



РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ISSN 1810-6439



9 771810 643008 >

Эффективность на аутсорсе



ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК • ИЮЛЬ • 2021



«УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ КРИЗИСОМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ»



СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ИЮЛЬ 2021



ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

Председатель
попечительского совета
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

АШУРБЕЙЛИ И.Р.
АО «Социум-А»

ЮНУСОВ Р.Р.
Российский квантовый центр

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО
«РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ»

ИЗДАЕТСЯ
ФОНДОМ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
Россия, 115184, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 29, офис 304

Зарегистрирован
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № ФС 77-52915
отт 20 февраля 2013

Адрес редакции:
Россия, 115184, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 29, офис 112
Тел.: +7 (495) 980-7353
E-mail: info@globalaffairs.ru
globalaffairs.ru

Дата выхода в свет:
20.07.2021

Отпечатано
в ООО «Типография Гарт»
105082, г. Москва,
ул. Краснобогатурская, 2, стр. 53В
Заказ – 553.

Тираж – 996 экз.
Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель совета*

АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Мартти
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.

КАЙЗЕР Карл (Германия)

КОКОШИН А.А.

ЛУКИН В.П.

КОСАЧЕВ К.И.

КОМИССАР М.В.

КРАСТЕВ Иван (Болгария)

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ПРИМАКОВ Е.А.
(в личном качестве)

РАДД Кевин (Австралия)

РОУЗ Гидеон (США)

РЫЖКОВ В.А.

СЛУЦКИЙ Л.Э.

СЮН Гуанкай (Китай)

ТЕЛЧИК Хорст (Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

УШАКОВ Ю.В.
(в личном качестве)

ХАКАМАДА И.М.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

КРАВЕЦ С.Л.

КУЗНЕЦОВ А.В.

ЛАНЬКОВ А.Н.

ЛАРУЭЛЬ Марлен

ЛИВЕН Анатолий

ЛОМАНОВ А.В.

МИЛЛЕР А.И.

САНАИ Мехди

СЛЁЗКИН Ю.Л.

ФИЛИППОВ А.Ф.

ЦЫГАНКОВ А.П.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Ф.А. Лукьянов

Заместители главного редактора:

Александр Соловьев, Наталья Костромская (англоязычная версия)

Исполнительный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александра Кобзева

Выпускающий редактор
Евгения Прокопчук

Референт председателя
редакционного совета
Елена Блинникова

Обложка
Вадим Мисюк

Вёрстка
Наталья Заблочките

Корректура и проверка
Екатерина Акулова

Ассистент главного редак-
тора
Анна Портнова

Редактор
англоязычной версии
Russia in Global Affairs
Александр Захаров

Распространение
Юрий Котов
or@globalaffairs.ru
Валерия Чистякова
promo@globalaffairs.ru

Спецвыпуск издан в рамках выполнения проекта «Россия глазами зарубежных лидеров нового поколения», при реализации которого используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 19 февраля 2018 года N 32-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом президентских грантов



ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»
(на сайте или в отделениях Почты России). Индексы: 15577, 16497
Агентство «Книга-Сервис» (akc.ru)
На сайте «Информ-система» (informsystema.ru)

© «Россия в глобальной политике», 2021

Точка зрения авторов необязательно совпадает с позицией редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Фантазии средней дальности	Фёдор Лукьянов	4
----------------------------	----------------	---

НЕБОЛЬШАЯ ИГРА

Введение. Кризисная коммуникация «на удалёнке»	8
Современные кризисы. Эрозия солидарности	10
Сценарий. Суть проблемы, участники и инструментарий урегулирования	12
Общая оценка подходов участников к разрешению гуманитарного кризиса	15
Особенности антикризисной международной «гибридной» коммуникации	17
Главные политические итоги и подходы к антикризисному управлению	18
Заключение	19
Приложение I. Ведущие и участники	22
Приложение II. Общий сценарий игры	25
Приложение II-I. Географическая карта	31
Приложение III. Тезисный план спасения (предварительный)	32

«Ошибка считать, что для любой проблемы есть решение»	40
<i>Сергей Караганов, Андрей Картунов, Анатолий Ливен</i>	

ПОСЛЕВКУСИЕ

Разрешение кризисов: никто кроме государства?	Евгений Коренев	58
Эпоха неоклассицизма: Минск, далее везде	Александр Носович	62
Гуманизм на аутсорсинге	Иван Нохрин	67
Уроки вакцинной дипломатии	Александр Коньков	73
Россия – земля обетованная для климатических беженцев?	Артём Лукин	78
«Умная сила» естественного интеллекта	Наталья Помозова	86
«Брокеры знаний»: что нужно Евразии	Мирас Жиенбаев	90

Фантазии средней дальности

Игра в мировую политику

Фёдор Лукьянов

9 июля 2021 г. власти Республики Гаити обратились к ООН и США с просьбой направить воинские подразделения для поддержания порядка на стратегически важных объектах страны. После убийства президента Жовенеля Моиза Порт-о-Пренс усомнился в собственной способности сохранить управляемость. Гаити – первое в Латинской Америке независимое государство, освободившееся от колониального гнёта ещё в начале XIX века. Вся дальнейшая история, включая XX век, – череда трагедий, насилия и неспособность обеспечить хоть какое-нибудь развитие (Гаити – одна из беднейших стран мира).

Боже упаси от проявлений высокомерия – у каждого народа свой исторический путь, обусловленный разными обстоятельствами: объективными и субъективными. Гаитянская драма просто в очередной раз заставила задуматься о проблеме, которая возникает время от времени практически во всех частях мира. Международные, а чаще междоусобные и внутренние конфликты приводят к тому, что государства оказываются не в состоянии выполнять свои функции. В силу высокой степени транснациональной взаимосвязанности последствия выплёскиваются наружу, создавая сложности для других стран. В крайнем проявлении подобные сложности способны приводить к общемировым потрясениям (вспомним деятельность «Аль-Каиды»¹ на территории талибского Афганистана, теракты 11 сентября и всё, что они повлекли за собой). Но даже если масштаб не столь велик, последствия могут быть весьма заметными.

¹ Запрещено в России.

За вторую половину XX века количество государств-членов ООН увеличилось в четыре раза – результат деколонизации и распада многонациональных образований. Анализ этого процесса – предмет многочисленных исследований, в нашем контексте существенно одно: к концу прошлого столетия и началу нынешнего одним из самых обсуждаемых вопросов стала тема «падающих» или «несостоявшихся» государств. И в академических трудах, и в прикладных международных дискуссиях они рассматривались как едва ли не наибольшая опасность для мирового устройства. Соответственно, учёные, дипломаты и политики живо обсуждали, как такую опасность предотвратить, а упомянутым источникам неурядиц помочь.

Тогдашнее внимание объяснимо. После окончания холодной войны и распада СССР в ведущих странах мира (западных) возникло ощущение, что главные проблемы мироздания решены. Экзистенциальный враг повержен, магистральное направление развития ясно, остаются «временные трудности», которые надо преодолеть. После прекращения большого противостояния высвободились ресурсы, которые и можно направить на обустройство проблемных территорий. Тем более что вроде бы понятно, как это делать – путём привнесения туда современной демократии, институтов, а потом помощи развитию (умеренной). Символично, кстати, что первым примером того самого привнесения демократии по завершении холодной войны стала как раз Гаити. В 1994 г. Соединённые Штаты снарядили целую военную экспедицию, чтобы водворить на место демократически избранного президента Жана-Бертрана Аристида, которого сместили в результате военного переворота. Главу военной хунты генерала Рауля Седра удалось уговорить покинуть страну буквально накануне операции, так что американские солдаты вошли в Гаити мирно и вернули во власть Аристида (забавно, что через несколько лет тем же американцам пришлось его оттуда же изгонять, ибо надежд на демократическое правление прежняя жертва путча не оправдала).

Впрочем, и Гаити, и последовавшее вскоре Сомали (несмотря на весьма неблагоприятный для американцев исход вмешательства) были разминочными эпизодами, пафос по улучшению мира достиг пика во второй половине девяностых – начале нулевых годов. Всплеск международного терроризма, появление феномена «Аль-Каиды» и родственных ей структур привели к тому, что тема недееспособных государств и силового решения их проблем, действительно, стала на время лейтмотивом. И шла рука об руку с идеями строительства «правильных» современных демократических го-

сударств там, где они по каким-то причинам не произрастают сами. Концепция «национального строительства», взорлившая по заказу администрации Джорджа Буша в первые годы столетия, должна была не только соорудить демократию в Афганистане и Ираке, но и создать прочный фундамент для всей мировой политики.

Давно ли мы слышали об этой проблеме? Давно. Последнее из новых государств-членов ООН, родившееся из борьбы прогрессивных сил против тирана, – Южный Судан, только что отметивший десятилетие. Да и то – в его случае уже весьма очевидными были конкретные ресурсные интересы больших игроков, которые не особенно рассуждали на тему, насколько светлые перспективы имеет эта страна. С тех пор стало совсем уже не до того. Эйфория в ведущих державах давно уступила место тревогам за собственное будущее – социально-политические дисбалансы в развитом мире решительно оборачивают его внимание вовнутрь. И оказывается, что горести недееспособных государств могут мало кого касаться, а если и волнуют продвинутую часть человечества, то прежде всего из-за перспективы наплыва мигрантов. Здесь же более эффективно огораживаться, чем помогать.

Третий год подряд Совет по внешней и оборонной политике в сотрудничестве с надёжными партнёрами – Фондом президентских грантов, НИУ «Высшая школа экономики», Центром либеральных стратегий в Софии – пытается уловить самые актуальные тренды мировой политики и предугадать возможное их развитие, используя формат политической игры. Нас интересует, по сути, один сюжет в разных его проявлениях. Что делать, если имеется кризис, охватывающий государство или регион, истоки этого кризиса – сугубо внутренние, но содержащие риск вырваться наружу, своих ресурсов не хватает, а внешние игроки заняты собственными делами и совершенно не горят желанием вовлекаться. В 2019 г. мы моделировали условную постсоветскую республику, где коррупция и местечковые свары не позволяют проводить какую-либо осмысленную политику. В 2020-м – региональный кризис в Евразии, чреватый массовым перемещением людей в более благополучные страны. На сей раз в центре нашей фантазии – территория заброшенная, ни для кого не имеющая стратегического значения, крайне самобытная по образу жизни и находящаяся в ситуации гуманитарной катастрофы.

На что вообще можно рассчитывать в такой ситуации? Международные институты? Они переживают, мягко говоря, не лучшие времена и парализованы соперничеством либо индифферентно-

стью государств-участников. Отдельные крупные страны? Для них сейчас управление внутренней стабильностью намного важнее, чем любые внешние проявления, даже если на словах провозглашается обратное. Соседи, озабоченные опасным перетеканием всяческой неразберихи? Да, только им главное – переложить на кого-то ответственность, не брать её на себя. Эти мало вдохновляющие тенденции авторы сценария игры не придумали, а описали, оглядываясь по сторонам – пандемия продемонстрировала их весьма наглядно. И всё это в условиях, когда государства вообще-то набирают значимость и социально-политический вес, ведь зараза показала, что кидаться людям в пиковой ситуации некуда, кроме как к госструктурам.

Инновация этой серии нашей игры – транснациональная частная компания-оператор, которая, понимая нежелание международных институтов и стран влезать в очередной кризис, предлагает им свои услуги «под ключ». Естественно, бесплатно, зато с обещанием взять на себя бремя и выработки решения, и его исполнения. Мы попытались смоделировать, ухватятся ли ключевые государства и структуры международного управления за такую возможность. Нет, не ухватились. Ход обсуждения в очередной раз очень явно подтвердил, насколько снизился энтузиазм мировых игроков в том, что не касается их напрямую. При этом делегировать полномочия кому-то, кто не вписывается в привычные мировые практики, никто не готов. Неизбывной мантрой звучат апелляции к Организации Объединённых Наций, хотя никто не скрывает: в её практический потенциал веры нет.

Мир вступил в эпоху оукливания, растущей всеобщей интроверсии, но это не отменяет сохраняющейся взаимосвязанности. Конечно, глядя на многие из нынешних тенденций, можно предположить, что снижаться будет и взаимосвязанность, во всяком случае – ведущие государства явно теперь считают её для себя риском. Но окончательное распадение мировой системы на фрагменты вообразить пока что крайне трудно. Так что принцип «моя хата с краю», который с большой охотой взяли бы на вооружение многие правительства и даже международные структуры, тоже не сработает. И искать оптимальные средства решения кризисов – от локальных до общепланетарных – придётся. Поэтому мы надеемся, что наши игры в мировую политику могут принести пользу в будущем, ведь оно начинается с фантазий, порой совсем несбыточных.

Геополитическая эмпатия vs вестфальский легализм

*Негосударственные подрядчики
в условиях эрозии международной солидарности*

На основе анализа политической игры-тренинга «Международный кризис-менеджмент: частная инициатива», проведённой в рамках проекта **«Управление международным кризисом в условиях глобальной неопределённости»** (2021 г.)

Введение. Кризисная коммуникация «на удалёнке»

В рамках проекта «Управление международным кризисом в условиях глобальной неопределённости» организаторы подготовили и провели политическую игру «Международный кризис-менеджмент: частная инициатива». В игре приняли участие молодые представители политического и административного истеблишмента, СМИ, экспертного сообщества России и стран Евразии.

Ограничения, связанные с эпидемией коронавируса, вынудили провести мероприятие в гибридном формате: примерно половина участников присутствовали на игре физически, а другая половина – в режиме видеоконференции. Подготовка к игре (фактически игра началась за десять дней до объявленной даты, когда участникам были разосланы сценарий и задание, а также открыт доступ на сайт игры с необходимой информацией), помимо знакомства со сценарием, подразумевала активное общение внутри команд. Оперативная информация на сайте регулярно пополнялась – так моделировалась динамика развития симитированного в рамках игры кризиса.

В основу сценария был положен гипотетический, но реалистичный конфликт. Трагическое сочетание обстоятельств как природного, так и антропогенного происхождения порождает социально-политический кризис, который развивается в воображаемом государстве

Евразии и на прилегающих территориях. Сочетание крайне неблагоприятных погодных условий, локальных природных катаклизмов и безответственного государственного управления создало опасную ситуацию, угрожающую перерасти в масштабную гуманитарную катастрофу.

Участники, организованные в команды, начали обсуждение проблемы за несколько дней до начала игры, сформировав, согласно полученному заданию, командные чаты. Коронавирусные ограничения, разумеется, осложнили коммуникации между всеми участниками игры, однако сам факт таких ограничений дал возможность организаторам смоделировать текущие особенности международного общения. Кроме того, дополнительный психологический момент отстранённости от обсуждаемой проблемы, возникающей при дистанционном общении, соответствовал «физическим» международным реалиям (географически Мировой банк находится на наибольшем удалении от региона, где разворачивается кризис, так что удалённое участие европейской команды в обсуждаемой проблеме нивелировало возможную «геополитическую эмпатию»¹ европейцев).

В ходе игры участники проекта, объединённые в команды, отрабатывали политические взаимодействия в рамках сценария смоделированной кризисной ситуации в условно-реальной «третьей» стране (**См. Приложение II: «Общий сценарий игры»**). Развитие кризиса по сценарию могло затронуть интересы как государств (включая те, которые представляли участники), так и надгосударственных институтов (в том числе те, которые по сценарию представляли участники).

Возможное решение кризиса предлагалось участникам ещё до начала игры в виде развёрнутых тезисов антикризисной дорожной карты (**См. Приложение III: Тезисный план спасения**), разработанной амбициозной неправительственной организацией (НПО) *International Relief Network Initiative (IRNI)*. Участники должны были оценить дорожную карту и внести свой вклад в её реализацию (или предложить и альтернативу, если они сочтут предложенную дорожную карту неосуществимой).

¹ Термин «геополитическая эмпатия» предложил один из участников игры Артём Лукин для описания отношения России к КНДР (см. Лукин А. Л. Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 189) как альтернативу термину «стратегическая эмпатия» [*strategic empathy*], означающему умение распознавать и понимать намерения противников. Поскольку в нашем случае источником кризиса не является прямое противостояние государств, а интересы команд-участников не входят в очевидное прямое противоречие друг с другом, термин «геополитическая эмпатия» представляется вполне уместным.

После выработки своего отношения к проекту НПО и разработки своих вариантов разрешения кризиса команды представляли их в совместном обсуждении в режиме международной онлайн-конференции. Выступая по очереди, команды, начиная с IRNI, представляли свои варианты решения. Далее выступавшим приходилось отвечать как на вопросы представителей других команд, так и на критические замечания (разной степени провокационности) представителей различных стран и организаций (моделировались организаторами). На завершающей заседании конференции команды могли внести коррективы в свои планы, предложить коллективное консенсусное решение или констатировать невозможность его выработки.

Через месяц после игры организаторы провели *ZOOM*-дискуссию с видными экспертами-международниками, в ходе которой обсудили проблемы, обозначившиеся по итогам игры.

Современные кризисы. Эрозия солидарности

Современная турбулентная и непредсказуемая международная обстановка стала питательной средой для возникновения и эскалации региональных конфликтов. В ближайшие десять-пятнадцать лет дальнейшее обострение этих проблем представляется более вероятным, чем их сглаживание. Двойственное сочетание глобальной гиперсвязности и нарастания регионализации создаёт структурные противоречия. Они затрудняют урегулирование кризисов, которые затрагивают интересы разновеликих (и типологически разных) международных акторов. Тем более что издержки на «поддержание порядка» растут, что подталкивает даже прежних гегемонов к сворачиванию былого политического дирижизма (идея Байдена о том, что «Америка вернулась», совершенно не означает готовности взвалить на себя обязательства, которые имели место на пике американского лидерства).

Ещё в недавнем прошлом локальные противоречия нередко являлись частью более широкого соперничества, столкновения интересов великих держав. Большинство прежних конфликтов можно было с высокой степенью надёжности объяснить прямой конкуренцией за материальные и нематериальные ресурсы. Однако регионализация международной повестки вкупе с ростом количества самых разнообразных (в том числе негосударственных) акторов в обстановке коммуникационной «перегрузки» и снижения достоверности информации серьёзно затрудняет саму оценку природы конфликтов,

не говоря уже о поиске путей их разрешения. Вслед за международниками-практиками на эту проблему обратили внимание и теоретики, отмечая обостряющийся дефицит адекватных моделей, которые объясняли бы текущие изменения в международных отношениях².

Но хуже всего, что сегодня такие конфликты могут оказаться вне зоны внимания международного сообщества в целом и его отдельных представителей в частности. Крупные страны, даже самые влиятельные, всё больше становятся интровертами (или готовятся к новому раунду холодной войны – противостоянию США, Китая и, вероятно, России). Международные акторы переключают внимание на внутренние проблемы, количество которых, скорее всего, также будет расти.

Идея национальной устойчивости становится главной прерогативой политического руководства самых разных стран, вызывая приступы параноидальной секьюритизации. Кризис доверия, на котором и основана международная солидарность, очевиден. Международные институты, включая ООН, всё чаще становятся (или воспринимаются) лишь паллиативом. В этих условиях тем, кто вовлечён в локальные конфликты и региональные проблемы, даже самые острые и тяжёлые, трудно всерьёз рассчитывать на помощь со стороны. Крупные державы и институты останутся в роли сторонних наблюдателей.

С другой стороны, в мире, который по-прежнему тесно взаимосвязан и взаимозависим, конфликты могут распространиться на соседние страны, соседние регионы и зоны глобальных интересов, и тогда крупным державам, конечно, придётся как-то реагировать.

Важным ограничителем такой реакции (помимо традиционных внешних ограничителей, связанных с выраженными интересами третьих стран, которые в случае нашего сценария практически не работают) становится растущий на международной арене скепсис по отношению к прямому интервенционизму – вне зависимости от того, насколько благими побуждениями тот вызван. Способность государств и международных организаций к эффективному кризисному управлению в проблемных странах и даже на проблемных территориях вызывает всё более серьёзные сомнения³.

² См., например: Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 57-76.

³ «В большинстве случаев вмешательства государств в так называемые гуманитарные конфликты закончились неудачей или ещё большей нестабильностью... Значит, государственное вмешательство необязательно является панацеей», – С.А. Караганов, дискуссия по итогам игры.

Сценарий. Суть проблемы, участники и инструментарий урегулирования

Чтобы акцентировать внимание на этом факте, организаторы придумали территорию, которая абсолютно никому не интересна. Там нет природных ресурсов, инфраструктуры и транспортных коридоров, поэтому никто не хочет распространять на неё своё влияние. При этом государственное образование, в состав которого входит территория, само испытывает жестокий кризис легитимности.

В то же время усугубляется и гуманитарная катастрофа – эсиды, малый народ, проживающий там, находятся на грани вымирания из-за эпидемии и засухи. И крупные державы, и человечество в целом ощущают дискомфорт, просто наблюдая за ситуацией. Но никто не хочет вмешиваться. В том числе и вследствие дефицита доверия – даже в отсутствие конкретного интереса крупного международного актора на данной территории ведущие участники международных отношений опасаются возможности сговора других участников. Поэтому организаторы придумали глобальную НПО, которая предлагает от лица конкретных стран услуги по урегулированию конфликтов вне каких-либо международных рамок или систем, действующих в соответствии с международным правом. Она и выносит на обсуждение план спасения малого народа, терпящего бедствие.

Ключевая особенность плана – он реализуется вне мандата существующих международных организаций, включая ООН, исключительно на добровольных началах. Такая повестка, однако, приходит в противоречие с традиционным представлением о роли государств и устоявшихся межгосударственных институтов в системе международных отношений – главный протагонист игры выступает их очевидным конкурентом. Организаторы предполагали, что участие в обсуждении проекта команд, представляющих государства, будет непродуктивным (в силу заявленного в сценарии отсутствия явного интереса к кризисной территории), поэтому команды представляли различные экспертные или межгосударственные организации, обладающие, тем не менее, достаточным авторитетом и возможностями для активного участия в имплементации предложенного на обсуждение проекта.

Специфика сценария заключалась в сочетании эндемичности и многофакторности кризиса. Кроме того, его развитие грозило вовлечь сопредельные государства, а масштаб проблемы исключал возможность решить её своими силами. *По сценарию сопредельные*

государства единодушно поддержали предложение НПО, направленное в целом именно на «глобальных игроков».

Локальные гуманитарные кризисы порождают угрозы нескольких типов: терроризма, болезней (например, Эболы), а в будущем – массовой миграции. Сочетание подобных угроз обладает огромным взрывоопасным потенциалом. А информационная перенасыщенность медийного пространства вкупе с разнообразным арсеналом информационных манипуляций даёт возможность как драматически преувеличивать текущую и перспективную опасность подобных конфликтов, так и преуменьшать их. Поверхностное или искажённое восприятие ситуации и дефицит времени может провоцировать необдуманные и откровенно деструктивные решения. Однако понимание этой опасности порождает другую – нерешительность и склонность дистанцироваться от проблем, которые напрямую не затрагивают страны и институты.

При определённой «искусственности» смоделированной организаторами ситуации схожие проблемы можно уже сегодня наблюдать в Науру, Мексике, Ливане, Эритрее.

В игре были представлены следующие команды (**см. Приложение I: «Ведущие и участники»**): вымышленная НПО “*International Rescue Network Initiative*” (*IRNI*) (российский филиал), составленная из российских участников; российская межведомственная экспертная группа (российские участники), *The World Bank* (европейские участники), *IISS Asia Security Summit: The Shangri-La Dialogue* (смешанный российско-евразийский состав).

Если задача команды *IRNI* сводилась к тому, чтобы попытаться обеспечить максимально возможную поддержку, то остальные команды должны были определить своё отношение к кризису, к предложению НПО (принять или не принимать, и если принимать, то в каких пределах), а также выработать линию поведения. И они не должны были допускать, чтобы гуманитарно-спасательный дискурс полностью перешёл под контроль других команд (институтов).

Взяв за основу предложенную организаторами дорожную карту, команда *IRNI-Rus* детализировала и оформила её в виде подробной презентации. Ключевой элемент плана предусматривал (наряду с попытками, фактически обречёнными на провал с самого начала, всё же наладить жизнь и устойчивое развитие на территории традиционного проживания эсидов) поэтапное добровольное расселение их представителей (после имплементации неотложных мер по борьбе с голодом и вирусом) с территории, на которой разворачивается ката-

строфа, на территории сопредельных государств, обеспечив в местах нового расселения сохранение и воспроизводство их социально-экономического уклада. Стратегически же предполагалось провести широкомасштабную кампанию с элементами углубленного социального инжиниринга, направленного на постепенную модификацию образа жизни эсидов, который делает их уязвимыми к угрозам.

Организаторы намеренно предложили подобную «прогрессиистскую» идею, поскольку в ней изначально заложены довольно серьёзные коллизии. Но команда была готова аргументировать необходимость подобного вмешательства в образ жизни полуторамиллионной общины и сумела представить её менее радикальной, модифицировав изначальные тезисы. Так, в развёрнутой программе команда настойчиво приглашала к сотрудничеству ООН, делала специальный акцент на сохранении и развитии традиционной территории пребывания. Кроме того, в плане особое внимание было уделено необходимости обеспечить широкую низовую волонтерскую поддержку проекту – от финансирования (за счёт краудфандинга) до физического участия, что делало его в потенциале фактически всемирным.

Тем не менее проект НПО вызвал явный скепсис у всех остальных команд. Признавая остроту проблемы, участники критиковали предлагаемый проект по следующим направлениям:

1. Излишняя драматизация (голод и эпидемии – достаточно распространённые проблемы, и человечество уже наработало определённый набор мер для помощи пострадавшим).
2. Структурный авантюризм (предлагаемые меры угрожают суверенитету затронутого кризисом государства и сопредельных стран).
3. Прямой «этнокультурный» интервенционизм (попытка изменить сложившийся уклад и обычай, не несущие *per se* угрозы окружающим).
4. Социально-политический авантюризм (эксклюзивная помощь отдельному этносу – сегрегация – может вызвать раздражение у других этносов; этносы, проживающие на территориях предлагаемого переселения эсидов, могут не принять беженцев).
5. Завышенная стоимость проекта.

Подвергалась сомнению и способность НПО как таковой справиться с задачей координатора подобной масштабной операции.

Общая оценка подходов участников к разрешению гуманитарного кризиса

В процессе обсуждения плана НПО и альтернативных антикризисных мер, предложенных другими командами, участники свободно обменивались мнениями как по актуальной проблеме, так и по более широким темам. С учётом проходившего до игры обсуждения внутри команд, можно выделить следующие подходы к восприятию, оценке и разрешению гуманитарного кризиса:

- 1) Превалирование прагматичного подхода над общегуманитарным.
- 2) Подход скорее в духе *“not lose”*, чем *“win-win”*⁴.
- 3) Соблюдение суверенитета государства, на территории которого разворачивается кризис, априори важнее любой иной задачи (в этом сошлись все три команды).
- 4) Акцент на легализме: антикризисные меры должны приниматься в строгом соответствии с действующим международным законодательством.
- 5) Инструментализация моральных соображений (одна из претензий к плану состоит в том, что тот предполагает сегрегацию и ущемление прав других народов региона, не затронутых кризисом); иными словами, позитивизм и «прогрессивизм» опровергаются соображениями морально-этического толка.
- 6) Умеренная идеологизация проблемы (план НПО был охарактеризован командой *“The Shangri-La Dialogue”* как «неоколониальный» и «неоимпериалистский»).
- 7) Нотки цинизма (во внутрикомандном обсуждении).
- 8) Универсализация проблемы без предложения конкретных мер её решения (декларирование принципа равноправия всех народов и автоматическое распространение на них статуса терпящих бедствие).
- 9) В то же время обращает на себя внимание попытка выйти за рамки этого регионального кризиса и привлечь международное внимание к подобным кризисным ситуациям в других регионах.

⁴ О подобных структурных тенденциях в международных отношениях см. Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А., указ. соч.

- 10) Желание переложить бремя ответственности на существующие организации и структуры – авторитет ООН (особенно СБ ООН) по-прежнему достаточно высок.
- 11) Дискурсивный характер поднятой проблемы – от обсуждения конкретных мер и действий в финале конференции участники перешли к обсуждению принципов и закономерностей взаимодействия различных акторов международных отношений.

Участники скорее готовы аргументировать неисполнимость предложенного НПО плана и анализировать его слабые места, чем предлагать конкретные альтернативы, ограничиваясь декларациями общего характера (эти декларации верны и продуманны сами по себе, однако апелляция к ним скорее ведёт к консервации, чем к решению проблемы).

Часть аргументов при этом сводится к тому, что предлагаемые меры противоречат международному праву и сложившимся практикам (притом, что все участники отдают себе отчёт как в том, что сложившиеся практики всё менее эффективны, а международное право регламентирует далеко не все возможные варианты международных отношений). *Предложений о пересмотре международно-правовых норм, что позволило бы реализовать предложенные меры, не прозвучало.*

Поначалу некоторые участники (в частности, команда “*The Shangri-La Dialogue*”) демонстрировали признаки «геополитической эмпатии». Но достаточно быстро она сменилась на поиск выгод, которые страны форума могли бы извлечь из сложившейся ситуации. В этом контексте отдельный интерес представляет особое мнение участника команды “*The Shangri-La Dialogue*” Артёма Лукина, которое он позже оформил в отдельное эссе. Он сосредоточился на прагматичных выгодах, которые могла бы получить Россия, поддерживая проект *IRNI*.

Инициатива привлечения частных гуманитарных организаций была воспринята с неприкрытым подозрением (особенно российскими участниками). Подозрения варьировались в довольно широких пределах: от «Запад использует ситуацию, чтобы проникнуть в сферу жизненно важных интересов России с помощью политических НПО под предлогом спасения умирающих людей» (цитата) до «частная гуманитарная организация или те, кто за ней стоит, имеют скрытые эгоистичные интересы в зоне конфликта»

(по условиям игры экономический потенциал региона близок к нулю).

Участники продемонстрировали неготовность всерьёз рассматривать перспективы международного сотрудничества с «неконвенциональной» НПО (по условиям игры *IRNI* – идеальная *grassroot initiative*, она демонстративно не ведёт дела ни с государствами, ни с «международной бюрократией» типа ООН, хотя, презентуя свой проект даже *IRNI* акцентированно привлекала ООН к антикризисным мерам). Подобный независимый активизм вызывает даже большие подозрения, чем политическая активность государств. Силовой потенциал НПО (по сценарию игры она поддерживает рабочие связи с различными ЧВК) лишь усугубляет подозрения.

В целом участники игры скорее готовы к «сдерживанию конфликтов без прямого вмешательства» – впрочем, концептуализировать эту идею детально они в ходе обсуждения игры не смогли. Вопрос практической реализации такого подхода остаётся открытым (хотя во время послеигровой дискуссии Сергей Караганов приводил в пример такой стратегии действия России в Карабахе).

Особенности антикризисной международной «гибридной» коммуникации

Сочетание удалённого и «живого» форматов стало серьёзным испытанием для участников мероприятия. Порой им было непросто синхронизироваться даже физически (география их проживания – от Индии до Канады). На это наложилась определённая психологическая усталость от бесчисленных онлайн-конференций. Поэтому далеко не всем и не всегда удавалось найти в себе силы для полноценного вовлечения в процесс. Однако возможность подготовиться к игре заранее благотворно сказалась на процессе и обсуждении. Команды сумели сформировать последовательные и аргументированные позиции, активно вели дискуссию. Помогло присутствие тех, кто уже принимал участие в подобных мероприятиях.

Некоторые с удовольствием пробовали новые для себя роли (памятуя опыт прошлой игры, организаторы распределили участников по командам так, чтобы тем не приходилось полагаться на наработанные ими в рамках реальных организаций модели и шаблоны).

Главные политические итоги и подходы к антикризисному управлению

- Все участники отметили важность глубокого изучения региональной политэкономической и социальной обстановки.
- Команды (кроме протагониста) не готовы принимать на себя политическую ответственность и инициативу.
- Недоверие к «несистемной» НПО даже выше, чем недоверие к государствам и международным институтам.
- Альтернативные предложения либо исключают НПО из круга ответственных за разрешение кризиса, либо сводят её задачу к коммуникативной или тактически координационной.
- Команды активно и очень профессионально проанализировали и систематизировали ограничители для международного негосударственного политического и гуманитарного активизма: прагматичные (адекватность оценки стоимости проекта); легалистские (проблема нарушения вестфальского суверенитета вовлечённых в кризис государств); социально-гуманитарные (действия в интересах исключительно одной народности могут вызвать неприятие у других) и даже морально-этические (потенциальное ограничение права выбора национальной идентичности).
- (Внешне)политическое взаимодействие рассматривается почти исключительно на общегосударственном уровне с официальными властями.
- Дискурсивный характер многих проблем, отмеченных во время моделирования, важнее (по крайней мере, отчасти), чем решение конкретной задачи по спасению реальных людей.
- Понимание серьёзности проблемы не препятствовало поиску потенциальных выгод для своей организации (страны/стран, входящей/входящих в организацию).
- Секьюритизационный дискурс возникает (хотя и остаётся маргинальным) даже в ситуации, когда очевидных враждебных интересов конкурирующих держав в регионе не просматривается.
- Гуманитарные проекты, по всей видимости, не считаются стратегическими важными инструментами для обеспечения лидерства в Евразии.
- К евразийским институтам команды не апеллировали вовсе.

Подтвердились выводы, сделанные нами по итогам аналогичного прошлогоднего проекта:

- Залогом успешных действий (а в кризисном режиме – в особенности) остаются межгосударственные договорённости и взаимодействия. В острой ситуации возникает устойчивое желание делегировать ответственность за принятие решений традиционным межгосударственным организациям.
- Российские услуги как провайдера безопасности в Евразии пользуются не столь очевидным спросом, как принято считать в российской экспертной среде. В случае необходимости силового вмешательства (миротворческой операции) страны Евразии склонны скорее обращаться к мировому сообществу (авторитет ООН сомнению не подвергается).

В Евразии нет института, уполномоченного решать подобные кризисы. Россия же, похоже, больше озабочена выявлением политических угроз для своей стабильности, чем поиском возможностей для «экспорта безопасности».

Заключение

Дискуссии в ходе игры выявили глубокое недоверие между участниками, низкий уровень готовности к международному сотрудничеству (как институциональному, так и межгосударственному), которое не укладывается в существующие нормы и практики (нежелание выходить за традиционные рамки стало императивом), открытое стремление избежать любой ответственности. Инициатива привлечения частных гуманитарных организаций воспринята с неприкрытым подозрением. Нормативно-правовой дискурс вместе с секьюритизационным отодвигал на задний план соображения гуманитарного характера.

Несмотря на проактивную позицию, убедительную презентацию и мощные аргументы, команда частной гуманитарной организации не смогла добиться одобрения своего плана. В результате участники решили передать урегулирование проблемы в руки ООН. Участники продемонстрировали нежелание всерьёз рассматривать перспективы международного сотрудничества с нетрадиционной НПО (которая, по условиям игры, является идеальной низовой инициативой, не имеющей связей с государствами или «международной бюрократией», в том числе с ООН). Такой независимый

активизм выглядит ещё более подозрительно, чем политическая активность государств.

В принципе, результаты подтверждают нынешние настроения в мире – кризис доверия, нежелание даже попытаться понять другого, стремление доминировать хотя бы в дискурсивном поле (если военная или экономическая гегемония не считаются первоочередной задачей) и в то же время – готовность «выталкивать» разрешение кризисов в существующие структуры и механизмы международного сотрудничества (несмотря на чёткое понимание их изначального несовершенства, нынешней деградации и практически гарантированного отсутствия результатов) или в руки очевидно некомпетентных политических режимов, подчёркивая, что это «внутреннее дело государств». Иными словами, идея гуманитарного политического вмешательства не очень популярна даже среди европейцев.

По всей видимости, идея сдерживания региональных конфликтов без прямого вмешательства в них в той или иной итерации будет набирать популярность.

Судя по развитию международных событий, идея сдерживания региональных конфликтов без прямого вмешательства в них будет постепенно всё более востребована — даже если это и будет ставить под удар сложившиеся представления о теории и практике глобального управления. Практическое подтверждение или опровержение этой гипотезы мы, возможно, будем наблюдать в самом ближайшем будущем на примере Афганистана. Это наиболее яркий случай провала всех мыслимых попыток участвовать во внутренних проблемах страны извне.

Однако не исключено, что подобное самоустранение государств, претендующих на участие в глобальном управлении, от территорий геополитической неопределенности чревато накоплением угроз до критического объема. Неизбежный при таком подходе рост числа изолированных или «находящихся на санации» регионов вкупе с доступностью трансграничных коммуникационных технологий может привести к формированию «интернационала изгоев». А это ведет угрозу миропорядку на совершенно новый уровень.

POLITICAL SIMULATON ONLINE

International Crisis Management: Private Initiative

Moscow, April 28, 2021

hse guest
hse password



Приложение I. Ведущие и участники

ОРГАНИЗАТОРЫ ИГРЫ:

Главный эксперт и мастер-координатор игры: Фёдор Лукьянов.

Игротехники-координаторы: Александр Белкин, Наталия Заблоцките, Евгения Прокопчук, Александр Соловьёв.

КОМАНДЫ:

IRNI-Rus

Координатор: *Наталия Заблоцките*

1. АХМЕТКАРИМОВ Булат Гумарбаевич, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Высшей школы международных отношений и востоковедения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
2. ВОЛКОВ Сергей Юрьевич, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ (г. Нижний-Новгород)
3. КОНЬКОВ Александр Евгеньевич, директор Международного аналитического центра "Rethinking Russia", доцент кафедры политического анализа МГУ имени М.В.Ломоносова
4. ФАБРИЧНИКОВ Илья Сергеевич, директор и владелец коммуникационного агентства SPRQL
5. ТЕЛИН Кирилл Олегович, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
6. НОХРИН Иван Михайлович, доцент кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета

Российская межведомственная экспертная группа

Координатор: *Александр Белкин*

1. АЛЕКСАНДРИН Олег Сергеевич, директор департамента внешнеэкономического и гуманитарного сотрудничества Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области (г. Екатеринбург)
2. КОРЕНЕВ Евгений Сергеевич, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского
3. НОСОВИЧ Александр Александрович, аналитик Центра общественно-политических исследований «Русская Балтика» (Калининград), автор книг «Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика», «История упадка. Почему у Прибалтики не получилось», «Почему Беларусь не Прибалтика»
4. ПОМОЗОВА Наталья Борисовна, заместитель руководителя Департамента международных связей ЦИК партии «Единая Россия»
5. ФРОЛОВ Андрей Львович, эксперт Российского совета по международным делам

The World Bank

Координатор: *Евгения Прокопчук*

1. ВИШНЕВСКИ Якуб (Jakub Wiśniewski), вице-президент GLOBSEC (Словакия)
2. ГАНЕВА Анна (Anna Ganeva), исполнительный директор Центра либеральных стратегий (София, Болгария)
3. ГРЕССЕЛЬ Густав (Gustav Gressel), старший научный сотрудник программы по Большой Европе Европейского совета по международным отношениям (ECFR)
4. ЛЕНХАРДТ Кристина-Мария (Christina-Maria Lenhardt), заместитель европейского корреспондента, Общая внешняя политика и политика безопасности (CFSP), Федеральное министерство европейских и международных дел (Австрия)
5. ПАЙКИН Захари (Zachary Paikin), исследователь внешней политики ЕС в Центре исследований европейской политики (CEPS) в Брюсселе

6. де ПЕДРО Николás (Nicolás de Pedro), старший научный сотрудник Института государственного управления (The Institute for Statecraft, Великобритания)
7. ТОРРЕБЛАНКА Хозе Игнасио (José Ignacio Torreblanca), старший научный сотрудник и глава мадридского отделения Европейского совета по международным делам (Испания)
8. ФАТИБЬЕН Дениэль (Daniele Fattibene), научный сотрудник Института международных отношений IAI (Италия)

IISS Asia Security Summit: The Shangri-La Dialogue

Координатор: *Александр Соловьёв*

1. Ли Хансоль (Han-Sol Lee), аспирантка кафедры маркетинга экономики факультета Российского университета дружбы народов (Республика Корея)
2. ЖИЕНБАЕВ Мирас, стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Казахстан)
3. КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
4. ЛУКИН Артём Леонидович, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток)
5. КАПУР Ниведита (Nivedita Karoor), младший научный сотрудник программы стратегических исследований Исследовательского фонда Observer (Нью-Дели, Индия)
6. ЮСЕФ Рехам (Rehames Yousef), репетитор арабского языка, член Союза сирийских журналистов

Приложение II. Общий сценарий игры

ПРЕАМБУЛА

Not-so-distant future

В разгар очередной метарегиональной вспышки ротавируса, затронувшей несколько десятков стран Евразии в непосредственной близости от России, Турции, Ирана, Индии (в этих и других странах также обнаружены единичные случаи нового штамма), поступают данные о полномасштабной гуманитарной катастрофе, локализованной в одном из крупных регионов вымышленного государства **Калиман**. Этот регион населён уникальной народностью – *эсидами*.

Распространение нового штамма коронавируса критически препятствует физическим передвижениям действующих лиц игры (во многих странах введён жёсткий карантин), поэтому вся коммуникация организована международной НПО *International Relief Network Initiative* (активный «организаторский» участник игры, главный протагонист игры) в формате ZOOM-конференции.

ГЛАВНЫЙ ПРОТАГОНИСТ: *International Relief Network Initiative (IRNI)* – общая информация

О проблеме эсидов медиа активно заговорили с подачи международной НПО *International Relief Network Initiative* – организации, начавшей играть активную роль на международной арене относительно недавно (лет десять назад). Изначально *IRNI* (лет пятнадцать назад) – сетевая инициатива активистов-волонтеров, которые связывались с единомышленниками по всему земному шару, сотрудничая в рамках «теории малых дел» (проекты по благоустройству, поиск пропавших людей и животных и тому подобные). Сеть быстро разрослась до всемирных масштабов, заручившись поддержкой нескольких миллиардеров-филантропов-визионеров (в основном из сфер ИТ-технологий, финтеха и игровой индустрии; в числе её «доноров» – Илон Маск, Билл Гейтс, Джек Ма, Ага-хан и другие). *IRNI* выступает в качестве альтернативы как государственным, так и надгосударственным институтам (ООН в частности). Упрекая госу-

дарства в хищничестве и эгоизме, а международные институты – в косности и безынициативности, её создатели предлагают новый формат общественной инициативы, нацеленной на оказание гуманитарной и иной помощи странам и народам, оказавшимся в чрезвычайной ситуации.

За эти десять лет *IRNI* сумела наработать авторитет в этой области, успешно реализовав несколько локальных проектов разных типов от борьбы с голодом и болезнями до освобождения заложников, принуждения к миру экстремистских группировок, переговоров с сомалийскими пиратами и инфраструктурно-экологических проектов. *IRNI* широко использует «низовую» фандрайзинг, волонтеров и прочие возможности общественных движений; проекты для реализации выбираются путём интернет-голосования – так определяется их актуальность. Координаторы *IRNI* легко выходят на контакт с местными активистами и неформальными объединениями (от гуманитарных и медицинских организаций, до ассоциаций ветеранов и «диких гусей»), полагаясь на местные возможности для решения своих задач. Находится в рабочих отношениях с «Врачами без границ», Международным комитетом Красного креста, остатками «Белых касок», независимыми журналистскими объединениями и так далее.

Отношения с правительствами ведущих стран неровные – по некоторым вопросам они взаимодействуют, иногда правительства открыто обвиняют *IRNI* во вмешательстве во внутренние дела в интересах третьих стран. Случаев прямого столкновения подразделений *IRNI* с госструктурами пока не зафиксировано, но было такое, что ситуация оказывалась на грани.

Мандата ООН IRNI не имеет и никогда не запрашивала, но ООН активно ей не противодействует. И хотя на заседаниях комитетов ООН и СБ ООН уже несколько лет звучит обеспокоенность «самоуправством безответственных авантюристов», идея принять какую-то резолюцию по поводу деятельности *IRNI* пока не материализовалась ни во что конкретное.

В связи с бедственным положением эсидов *IRNI* объявляет о необходимости их спасения и предлагает себя в качестве спасателя, обещая в самое ближайшее время обнародовать «комплексную программу спасения и развития народа эсидов», предусматривающую в том или ином виде вовлечение стран и организаций, которые представляют игроки, но под эгидой *IRNI*. ***IRNI предлагает заинтере-***

сованным сторонам согласовать эту программу на импровизированной международной конференции. Поскольку IRNI – подчёркнуто сетевая структура, формат конференции – максимально цифровой (иной формат в условиях антивирусных ограничений всё равно нереализуем).

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Эсиды – этнически родственная курдам (впрочем, некоторые этнографы это оспаривают) народность, компактно проживающая на территории вилайета Эден. Общая численность (оценочная) – 1,5 млн человек. Точную перепись эсидов провести не представляется возможным по причинам, обозначенным ниже.

Эсиды живут традиционным укладом, который не сильно отличается от общинного (приблизительный аналог – амиши XIX века). Крупных городов нет. Центр вилайета – небольшой городок, где находится едва ли не единственный в регионе узел современной связи, почта, больница. Эсиды в силу религиозных запретов (исповедуют экзотическое гностическое учение, которое известный японский антрополог Синъити Кагава, давно изучающий эту народность, возводит к раннему христианству и манихейству), отвергают современные технологии (максимум – дизельный двигатель), с подозрением относятся к электричеству. За исключением некоторого количества контрабандных транзисторных приёмников, распространённых среди молодёжи, не принимают современных средств связи и коммуникации. На территории вилайета Эден не действует мобильная связь – кроме спутниковой (да и та с перебоями).

Экономика – сельское хозяйство (в основном на животной тяге) и малая механизация (мастерские). Общинное сельское хозяйство – зерновые культуры, садоводство (террасное в силу рельефа), животноводство. Надёжные, но устаревшие методы хозяйствования долгое время позволяли поддерживать народность почти на полном самообеспечении, но постепенное засоление почв вкуче с пятилетним периодом аномальной суши привело к истощению почв и образованию солончаков. Происходящее было воспринято как наказание за проникновение в общину «нечистых» технологий извне и отпадение от канона. По эпизодическим сведениям, население вилайета находится на грани голода; поступают также отрывочные сообщения о том, что на территорию проник новый штамм ротавируса.

Административно вилайет Эден является частью государства Калиман (достаточно бедной, в основном мусульманской страны). Калиман (номинальная демократия с элементами исламской теократии) сам испытывает острейшие проблемы социально-экономического характера, а после недавнего жестокого кризиса, связанного с неудачным транзитом власти (де-факто пожизненный правитель Калимана скоропостижно скончался, не успев назначить преемника) в стране развернулась борьба кланов за «престол». В этой ситуации Калиману не до проблем эсидов, которые и так были не слишком интересны центру, последние пару десятков лет осуществляя фактическое автономное самоуправление.

Полезных ископаемых на территории вилайета Эден не обнаружено. Транспортно-инфраструктурный потенциал – очень низкий в силу как сложного холмистого рельефа, так и периферийности (через эту территорию не проложен ни один серьёзный транзитный поток; «ветки» «Пояса и пути» проходят либо севернее, либо южнее Эдена). Энергетический потенциал района – низкий (для гидроэнергетики шансов нет: крупных рек нет, перепад высот небольшой; угля практически нет, нефти нет).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Двадцать – двадцать пять лет назад на территории Эдена группа этнографов, с трудом туда пробравшаяся, обнаружила древние захоронения. После многолетних уговоров эсиды допустили к себе международную (египетско-французско-болгарскую) экспедицию во главе с профессором Каирского и Эксетерского университетов Хосни эль-Хаммассом. Лет десять назад эль-Хаммасс объявил о сенсационных открытиях, сравнимых по значимости с обнаружением кумранских текстов. Он анонсировал, что результаты экспедиции перевернут взгляд на историю Египта и раннего христианства. Эль-Хаммасс утверждает, что обнаружил руины поселения, где осело «настоящее 13-е колено израилево», и, таким образом, окончился Исход. Лет пять библеисты и историки активно обсуждали тему, но потом интерес к ней постепенно сошёл на нет. Эль-Хаммассу удалось внести территорию раскопок в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Последние пять лет ходят упорные слухи, что различные акторы (США, Китай, европейцы, некий азиатский консорциум с центром в Сингапуре) независимо друг от друга разрабатывают план по аренде территории Эдена на 99 лет с тем, чтобы превратить её в:

- а) полигон для захоронения ядерных отходов;
- б) сельскохозяйственный полигон для выращивания особых, недавно выведенных генно-модифицированных пород риса, устойчивых к неблагоприятной среде (Китай);
- в) огромную биолaborаторию для экспериментов с генетически измененными растениями и животными (Китай);
- г) изолятор для носителей нового штамма вируса (Китай);
- д) концентрационный лагерь для «нежелательных элементов» (США рассчитывает сослать туда неисправимых траппистов/нелегальных иммигрантов на перевоспитание – аналог Гуантанамо для «внутренних террористов»);
- е) мегаплантацию редкого медицинского корешка (Азиатский консорциум GenFund), для чего имеющееся там население просто избыточно;
- ж) мегаплантацию для разведения медицинской конопли (Европейский эконоcорциум — *The European Consortium for Organic plant breeding (ECO-PB)*), а для этого как раз нужны рабочие руки.

Власти Калимана не подтверждают эти слухи, но и не опровергают их.

Злые языки поговаривают, что IRNI собирается просто выселить эсидов с территории Эдена, распределить их по лагерям беженцев в сопредельных странах, а Эден превратить в гигантскую «ветряково-солнечную» ферму-laborаторию по производству электроэнергии. Теоретически это возможно, хотя очень сложно из-за неблагоприятного рельефа, капризной розы ветров и ненадёжной инсоляции, но смысл проекта как раз в том, чтобы доказать, что зелёная энергетика применима даже в самых, казалось бы, неблагоприятных для неё местах. Последний проект, по слухам, активно поддерживает новая звезда международного бизнеса Пол Дурау – первый зелёный мультимиллиардер, основатель THK GSG (*Getting Sun Green*).

В сопредельных странах проживает некоторое количество выходцев из Эдена, которые, правда, на родине считаются изгоями и связь с ней практически не поддерживают.

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ — ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА

После пяти лет засух, практически уничтоживших плодородную почву, зимой в Эдене происходят аномальные снегопады (хотя для этого региона выпадение снега – редкость, по данным экологов, процесс изменения климата идёт там быстрее, чем на сопредельных территориях). Толщина снежного покрова достигает 40–50 см. Это практически гарантирует **массовый голод уже в ближайшие месяцы**.

Метарегиональная вспышка ротавируса затронула территорию проживания эсидов. В народе происходит брожение: старейшины объявляют это карой за увлечение окружающего мира «нечестивыми технологиями» и категорически запрещают современное медицинское вмешательство любого рода – и уж тем более «дьявольскую вакцину».

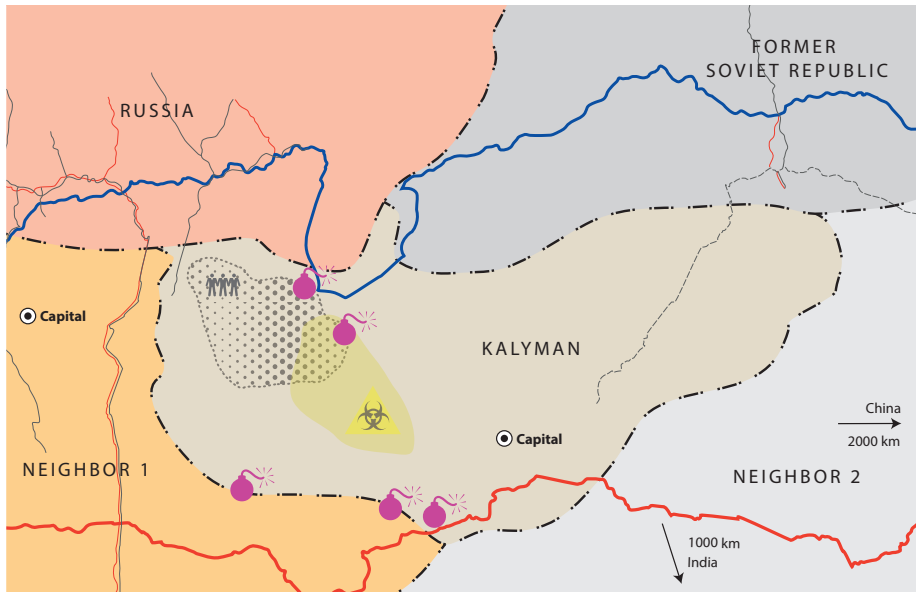
Однако некоторые эсиды не готовы вырабатывать «коллективный иммунитет» естественным путём и пытаются выбраться из Эдена. Это вызывает панику у властей Калимана, которым удалось раздобыть китайскую вакцину (и ещё подать запрос в ВОЗ на европейскую; возможность применения российских вакцин рассматривается). Власти Калимана решаются провести принудительную вакцинацию эсидов, предложив заняться этим «Врачам без границ», но обеспечить охрану миссий не в состоянии.

В итоге после нескольких инцидентов страсти накаляются, и дотоле вполне мирные эсиды нападают на одну из миссий. Транспорт уничтожен, есть жертвы. Эсидские радикалы-традиционалисты формируют боевые дружины и начинают совершать набеги на прилегающие территории, разрушая инфраструктурные объекты. Аналитики считают, что потенциально развитие событий может создать реальную угрозу для объектов «северного» и «южного» рукавов «Пояса и пути», огибающих территорию проживания эсидов. Небольшие сопредельные государства, обеспокоенные набегами эсидов, выпускают «Воззвание к миру», в котором призывают немедленно принять предложение *IRNI*, в противном случае они будут вынуждены применить против эсидов «летальные средства». Однако предоставить свою территорию для проживания эсидов они не готовы.

Некоторые влиятельные общественные деятели в Европе поддерживают попавших в отчаянное положение эсидов, говоря о том, что западное сообщество должно признать вину за чрезмерное ув-

лечение технологиями и пренебрежение нуждами малого народа, доведённого «неоимпериализмом» до такого состояния. Особенно громко в этом хоре звучат голоса бельгийской эоактивистки Джулиан Пассаж и исландского журналиста, номинанта на Пулицеровскую премию, специализирующегося на экологической и этнической тематике Стори Стурулсона.

Приложение II-I. Политическая карта



Vilayet of Eden



Rotavirus Outbreak Zone

One Belt, One Road North Corridor

One Belt, One Road North Corridor



Aesid raids

Приложение III. Тезисный план спасения (предварительный)

ПОШАГОВЫЙ ПЛАН СПАСЕНИЯ ЭСИДОВ

International Relief Network Initiative (IRNI)

Цель: предотвратить гуманитарную катастрофу эсидов с минимальным использованием насилия и принуждения (желательно и вовсе без него), сохранив при этом культурную и национальную идентичность малого народа.

Средства: расселить эсидов с территории бедствия компактными группами по сопредельным странам, обеспечив в местах нового расселения сохранение и воспроизводство их социально-экономического уклада, чтобы максимально сгладить шок от переселения.

Неотложные меры:

- Незамедлительная продовольственная помощь (обустройство и охрана складов и распределительных центров).
- Незамедлительная помощь в обеспечении медикаментами (обустройство и охрана складов и временных медицинских центров).
- Изоляция поражённых вирусом районов.
- Подготовка к вакцинированию эсидов.
- Как можно скорее вывести на геостационарную орбиту спутник связи и наблюдения, который бы передавал информацию о происходящем и обеспечивал бесперебойную спутниковую связь.

ЭТАП 1.

Социально-коммуникационный трек:

- Экспресс-анализ структуры сообщества эсидов и налаживание контактов с формальными и неформальными лидерами; выявление людей и/или групп, наиболее склонных к переменам и контактам со внешней средой. Формирование устойчивой группы лидеров, лояльной идее переселения.

- Формирование в среде эсидов идеи о «новых землях обетованных».
- Создание волонтерских центров помощи эсидам в сопредельных странах при активной работе с международными НПО.
- Обустройство постоянных гуманитарных миссий в Эдене.
- Начало вакцинирования эсидов.

Трек безопасности:

- Для предотвращения распространения эпидемии, паники и насилия необходимо защитить инфраструктуру прилегающих районов, а также медицинские миссии от «эсидских луддитов», самих эсидов – от гнева соседей; может понадобиться защищать эсидов от самих себя, следовательно, необходимо:
- Не допускать бесконтрольной миграции населения.
- Обеспечить охрану инфраструктурных объектов в прилежащих районах.
- Обеспечить охранные кордоны вокруг Эдена.
- Предусмотреть возможность введения миротворцев.

Экономический трек:

- Целевая гуманитарная помощь – через формальных и неформальных лидеров.
- Знакомство с передовыми методами агротехники и производства, формально не сильно отличающимися от традиционных или использующих те же принципы (включая, например, капельное орошение, но управляемое вручную; мини-ветряки как источник энергии).
- Углубленные исследования состояния почв и ресурсов для выявления перспектив развития региона.

Политический трек:

- Формирование сообщества сопредельных государств, готовых предоставить средства и территории для насущной и перспективной помощи эсидам (включая локализацию их поселений на своей территории).

ЭТАП 2.

Социально-коммуникационный трек:

- Активная пропаганда переселения на «новые земли обетованные».
- Переселение нескольких «контрольных групп» и обустройство их на новых местах.
- Обеспечение устойчивой обратной связи между этими группами и остающимися в Эдене эсидами.
- Поддержка работы гуманитарных миссий в Эдене (медикаменты, материалы, средства связи и так далее).
- Поголовное вакцинирование эсидов.

Экономический трек:

- Постепенное перенацеливание гуманитарной помощи на поддержку отъезжающих.
- Создание на местах переселения эсидов в сопредельных странах образцово-показательных хозяйств, основанных на симбиозе традиционных и передовых методов агротехники и производства.
- Подготовка базы для расширения производства сверх норм устойчивого самообеспечения (с учётом перспективы дополнительных переселенцев) – для включения этой продукции в систему международной торговли.

Политический трек:

- Решение вопроса об особом международно-правовом гражданском статусе переселённых эсидов (они не должны считаться беженцами).

ЭТАП 3.

Социально-коммуникационный трек:

- Организация массового переселения эсидов на выделенные для них территории сопредельных стран.
- Подготовка к насильственной транспортировке «хардлайнеров» или к созданию для них общего «лагеря дожития» в Эдене.

- Обеспечение постепенной ограниченной интеграции эсидов в общества и культуру стран-реципиентов.
- Постепенное сворачивание работы гуманитарных миссий (за исключением исследовательских).

Экономический трек:

- Постепенное сворачивание гуманитарной помощи остающимся (до пределов, необходимых для устойчивого дожития).
- Организация экспортного товарного производства в новых общинах эсидов-переселенцев; запуск нескольких мировых luxury-брендов продуктов питания с упором на экологию и этничность. Организация туристических эсидских центров – «этнографических деревень».
- Иные экономические проекты, призванные обеспечить эсидам потенциал устойчивого экономического развития.
- Углубленные исследования Эдена для определения его экономического потенциала (под управлением/координацией IRNI).

Политический трек:

- Создание эсидских автономий на территориях их расселения в сопредельных государствах.
- Формирование представительства народа эсидов в государственных институтах стран-реципиентов, международных и иных организациях.

Общая оценочная стоимость проекта: 50–100 млрд долларов (для сравнения: программа помощи ООН сирийским беженцам на 2017 г. – примерно 4,6 млрд долларов; программа помощи ООН беженцам-рохинджа в 2018 г. оценивалась почти в 1 млрд долларов; компенсация индейцам навахо за ненадлежащее использование индейских земель в 2014 г. – 550 млн долларов; военный бюджет США в 2020 г. – примерно 750 млрд долларов; России – примерно 47 млрд долларов).

РЕШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННОЙ ГРУППЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАНА /RNI/ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ КАЛИМАН

Принципы урегулирования кризисной ситуации:

- Соблюдение норм и принципов международного права в процессе урегулирования.
- Взаимодействие с руководством государства Калимана с учётом уважения его суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства без согласия местных властей.
- Урегулирование кризиса в Эдене не должно ущемлять права и свободы других народов государства Калиман или народов приграничных государств.
- Равенство государств, прав и свобод этнических групп и конфессий в процессе урегулирования гуманитарного кризиса.
- Ни один народ или этнос не имеет исключительных прав перед другими.

По нашей оценке, пошаговый план /RNI/ подразумевает:

- Отказ жителям Эдена в свободе выбора национальной идентичности (для спасения – «стань» эсидом).
- Сегрегацию жителей кризисного региона по национальному признаку.
- Наделение эсидов исключительными правами в Калимане.
- Неучтённость драматической ситуации остальных жителей Калимана.
- Обеспечение борьбы лишь со следствием проблемы – неспособностью государства Калиман обеспечить права и свободы коренных малочисленных народов.

Меры пошагового плана в редакции /RNI/ (переселение эсидов в сопредельные государства):

- Подрывают демографическую безопасность государства Калиман.
- Побуждают местных жителей к отказу от свободы выбора национальной идентичности для собственного спасения.

- Приводят к этноциду эсидов путём разобщения малой этнической группы с перспективой её последующего исчезновения при культурной интеграции в более крупные этносы приграничных государств.
- Ущемляют права этносов приграничных территорий, которым предлагается смириться с «подселением» к ним другого этноса.
- Создают угрозу регионального кризиса – конфликта со странами с этнически близким эсидам населением в результате их переселения.
- Создают прецедент потенциальной ответственности государства за обеспечение прав и свобод коренных малочисленных народов в сопредельных государствах.

Предложения российской межведомственной группы:

Целью плана должна быть международная помощь государству Калиман по предотвращению гуманитарной катастрофы в районе Эден, которая затрагивает безопасность местных жителей, в том числе коренных малочисленных народов (эсидов).

Такое целеполагание обеспечивает:

- Спасение всех народов региона бедствия вне зависимости от этнической принадлежности.
- Взаимодействие с государством Калиман в соответствии с принципами международного права.
- Предотвращение аналогичных кризисных ситуаций в государстве Калиман.

Мы предлагаем:

- Оказание поддержки государству Калиман в части сохранения коренных малочисленных народов (КМН).
- Создание нормативно-правовой базы в отношении КМН и обязательств государства в отношении КМН.
- Выделение субсидии по линии ООН для государства Калиман в интересах поддержки всех КМН этой страны.
- Выработку программы по восстановлению исторического региона проживания эсидов и по обустройству региона временного проживания эсидов в государстве Калиман.

Позиция российской МВГ по неотложным мерам по урегулированию кризиса:

Продовольственная помощь	По линии ООН и от России
Помощь медикаментами	По линии COVAX ООН и от России
Изоляция заражённых районов	Силами ВОЗ и <i>UNIPOL</i> при поддержке России
Подготовка к вакцинации эсидов	Силами ВОЗ при поддержке России для всех желающих жителей региона
Спутник связи	Силами <i>IRNI</i> с привлечением возможностей программы <i>SPACE-X</i>

Предварительные неотложные меры:

- Россией подготовлен проект резолюции в СБ ООН по кризисной ситуации в Калимане.
- Россией также подготовлены резолюции по аналогичным кризисным ситуациям в Науру, Мексике, Ливане, Эритрее.
- Россией установлен рабочий контакт с властями Калимана для организации приёма первых траншей гуманитарной помощи.
- Россией создана рабочая группа с участием приграничных к Калиману государств и властей Калимана для решения вопросов безопасности пограничных режимов.
- Изучение случаев ротавируса в РФ отечественными вирусологами и возможность выезда санитарно-эпидемиологической бригады для изучения вирусных штаммов в Калимане в целях противодействия новой волне эпидемии.



«Ошибка считать, что для любой проблемы есть решение»

По итогам проекта организаторы провели ZOOM-дискуссию с участием видных учёных-международников.

Темы дискуссии:

- В какой степени возможно сохранить концепцию «солидарности» в международной практике в контексте общего роста проекционизма (в широком, а не только экономическом смысле слова)?
- Действительно ли кризис международных институтов и готовности государств брать на себя дополнительную ответственность открывают возможности для негосударственных игроков, так называемых «подрядных организаций»? Можно ли представить себе межгосударственные соглашения о делегировании функций кризисных менеджеров нетрадиционным акторам (частным/негосударственным структурам)?
- Можем ли мы рассматривать возможность «подрядного права» в дополнение к международному праву – ситуативное решение текущей проблемы как основа для урегулирования определённых кризисов?
- Насколько незыблем принцип суверенитета и связан ли он неразрывно с устойчивостью государств? Иными словами, возможны ли внешние действия для восстановления порядка в отношении стран или территорий, которые неспособны решить свои ключевые проблемы?

Участники дискуссии:

Сергей Караганов, научный руководитель – декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почётный председатель президиума СВОП, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Андрей Картунов, генеральный директор Российского совета по международным делам, президент фонда «Новая Евразия».

Анатолий Ливен, профессор факультета международной политики Школы дипломатической службы в Катаре Джорджтаунского университета, старший научный сотрудник Института ответственного государственного управления Куинси.

Вёл дискуссию **Фёдор Лукьянов**, председатель президиума СВОП, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Фёдор Лукьянов: Основная идея, которую мы обсуждали во время политической игры, касалась локальных и региональных конфликтов в быстро меняющемся мире. Мы постарались быть максимально провокативными и предложили базовое утверждение, что в чрезвычайно турбулентной и непредсказуемой обстановке (это уже свершившийся факт, который никто не отрицает) региональные конфликты будут множиться. Но в отличие от прежней ситуации, когда локальные конфликты обычно являлись частью более широкого соперничества, столкновения интересов великих держав, сегодня может случиться так, что многие из них будут абсолютно никому не интересны.

Международная атмосфера меняется. Крупные страны, даже самые влиятельные, всё больше становятся интровертами. Они сосредоточены на внутренних проблемах, а их очень много, и, скорее всего, количество будет расти. А региональные проблемы, даже самые острые и тяжёлые, придётся решать тем, кто в них вовлечён. С другой стороны, в мире, который по-прежнему тесно взаимосвязан и взаимозависим, конфликты могут распространиться на соседние страны, регионы и зоны глобальных интересов, и тогда крупным державам, конечно, придётся как-то реагировать.

Чтобы акцентировать внимание на этом факте, мы придумали территорию, которая никому не интересна. Там нет природных ресурсов, инфраструктуры и транспортных коридоров. Но там разворачивается гуманитарная катастрофа, и крупные державы, да и человечество в целом, ощущают дискомфорт, просто наблюдая за ситуацией. Но никто не хочет вмешиваться. Поэтому мы придумали глобальную неправительственную организацию (НПО), которая

предлагает услуги по урегулированию конфликтов вне каких-либо международных рамок или систем, действующих в соответствии с международным правом. Как мы и опасались, большинство участников пошли по старой схеме – этим должна заниматься ООН, хотя она не представляет, как это сделать.

Вопрос, который мы хотели бы обсудить сегодня, – можем ли мы действительно полагать, что солидарность – политическая, экономическая – исчезнет из современных международных отношений? Что станет с региональными конфликтами – такими, как недавние столкновения в секторе Газа, Йемене или Сирии? Есть ли какие-то идеи, как урегулировать эти конфликты в будущем, учитывая отсутствие желания и готовности этим заниматься у великих держав в ближайшие годы или даже десятилетия?

Анатолий Ливен: К сожалению, в Вашингтоне и во многих частях Европы, независимо от реальных интересов, все втягиваются в соперничество с Россией, в новую холодную войну с Китаем. А я думаю об Африке.

В некоторых частях Африки, если не считать борьбу с исламским терроризмом и экстремизмом, реальные интересы великих держав минимальны. Фёдор Лукьянов говорил о районах, где нет инфраструктуры, больших запасов природных ресурсов, нет экономики – в Африке этого мало. И это источник различного типа угроз, в том числе развитому миру и крупным державам. Например, есть угроза терроризма, угроза болезней (в частности Эболы), а в будущем – угроза массовой миграции. В ближайшие десятилетия ситуация будет только ухудшаться – прежде всего в Западной и Центральной Африке – из-за огромного роста населения. Поэтому крупные мировые державы должны применить трезвый, нейтральный, объективный, но в то же время заинтересованный подход.

И ещё одна мысль по поводу Африки: в прошлом мы видели яростную оппозицию, по моему мнению, вполне обоснованную, интервенционизму Запада со стороны России, Китая, Индии и всего бывшего колониального мира в тех местах, где Запад или Америка вмешивались и разрушали государства. Возможно, они полагали, что разрушают лишь режимы, как в Ираке и Ливии, но на самом деле уничтожалось само государство. Поэтому многие – не только противники Запада и колониализма, но и те, кто ощущает хрупкость государств, – активно выступали против этих действий.

Интересно, что, если мы посмотрим на Африку, в случаях западного вмешательства там, где государство уже разрушилось (в первую очередь речь идёт о Сьерра-Леоне и британской интервенции), то увидим, что Китай и Россия не очень интересовались ситуацией. Насколько я знаю, не было противодействия и из других регионов мира, потому что если государство уже разрушено и нарастает хаос, его восстановление становится делом принципа, идеологии и идей.

Полагаю, мы можем сосредоточиться на Африке, потому что, как я сказал, мы постоянно слышим разговоры о якобы российской угрозе в Африке и «Вагнере», который в США называют частной военной компанией (ЧВК), а также о китайской экономической и геополитической угрозе. Но, по моему мнению, Африка сама станет источником угроз для внешнего мира в ближайшие годы. Думаю, есть вероятность некоего международного сотрудничества. Мы знаем позицию ООН по этому вопросу, но в конечном счёте её должна направлять одна страна.

Нельзя распространять идею холодной войны на Африку, особенно в условиях *COVID*, надо взглянуть на угрозы развитому миру, которые исходят из регионов, где государства очень слабы или разрушаются, население растёт, есть очаги заболеваний, терроризма и источники миграции. Полагаю, Россия, поскольку она обладает вооружёнными силами, способными воевать, в отличие от большинства европейских стран, может сыграть очень полезную роль. Но только если это будет сделано по согласованию с действующими или бывшими державами-гегемонами – Великобританией, Францией и, конечно, Соединёнными Штатами.

Интересный момент касательно французов. Окончание холодной войны должно было стать великим периодом голлизма, когда Франция совместно с Россией могла бы создать новый консенсусный порядок в Европе. Вместо этого Франция постепенно уходит в американский лагерь. Одна из причин в том, что Франции нужна американская логистика для поддержания не только военного, но и общего французского доминирования и военных операций в Африке. Теперь, в идеальном мире, Россия может и должна играть в Африке свою роль, в случае, конечно, если она будет рассматривать эту страну в качестве зоны хаоса и угрозы миру, а не как арену соперничества великих держав.

Думаю, операция в Сьерра-Леоне – хороший пример для рассмотрения проблемы с этой точки зрения. И, если кто-нибудь сде-

лает то же самое (например, американцы) в Либерии, чтобы остановить жуткую гражданскую войну, это не вызовет международного противодействия. Разумеется, существует риск, что если в будущем в такой ситуации – не дай бог – окажется Нигерия, которая гораздо, гораздо больше Сьерра-Леоне, и потребуются восстановление базовой стабильности, тогда будет нужна операция нескольких крупных держав.

Фёдор Лукьянов: Вы упомянули частные военные компании, а эти организации, будь то российские, американские, французские или любые другие, имеют двойственную репутацию. Можем ли мы представить, что в ситуации (в Африке, в Тихом океане или в Евразии), которой никто не хочет заниматься, правительства могут договориться и нанять частную военную компанию – национальную или, кто знает, международную корпорацию, предоставляющую подобные услуги, чтобы разрешить проблему, предоставить им ресурсы и определённый мандат, но перевести этот вопрос с государственного на негосударственный уровень?

Анатолий Ливен: Если мы вспомним Сьерра-Леоне, то изначально попытка интервенции была предпринята британской ЧВК, задействовавшей наёмников-гуркхов. Гуркхи тесно связаны с британской армией. Мой дядя был офицером гуркхов в годы Второй мировой. Так что это вполне возможно. А некоторые страны мира, предоставляющие профессиональных наёмников (в прошлом – Швейцария, сегодня – Непал), могут сыграть важную роль.

При этом вы правы – ЧВК действительно часто имеют плохую репутацию, ведут себя неподобающе. Но если дела в какой-то точке мира пойдут совсем плохо, страны окажутся неготовыми направлять собственные армии, а что-то всё равно нужно будет делать, тогда мы вернёмся в прежнюю эпоху, и все эти современные обеспокоенности по поводу прав человека отойдут на второй план, если мы (не дай бог, конечно, но, боюсь, такой вариант возможен) окажемся в ситуации тотального распада. Тогда восстановить порядок с помощью «приличных» мер не удастся.

Я всегда говорю это о «Талибанах» (запрещено в России – **прим. ред.**) при всех его ужасных идеях: учитывая ситуацию, сложившуюся в Афганистане к 1994 г., любой, кто попытался бы восстановить по-

рядок в этих обстоятельствах, не обладая превосходящими силами, был бы вынужден применить неприятные, безжалостные методы. Полагаю, таким может быть будущее в любой точке мира.

Фёдор Лукьянов: Вы сказали, что не хотели бы вернуться в прошлое. Но мы всё чаще слышим, что международная система возвращается в Средневековье, а тогда, если я не ошибаюсь, сознание людей было другим. Понимание времени было не линейным, а циклическим. Значит, возможно, мы вновь наблюдаем циклическое развитие.

Сергей Александрович, знаю, что вы убеждённый реалист и верите в государства. Но всё же вы можете себе представить, что государства будут нанимать кого-то, негосударственных акторов, необязательно служащих их интересам, просто чтобы избавиться от проблем?

Сергей Караганов: Во-первых, этот тезис стимулирует к размышлениям. Давайте для начала постулируем простые вещи. Государства пытаются вмешиваться и, думаю, в большинстве случаев делают это прямой силой или опосредованно. Африка – жертва колонизации. Если бы Африка смогла развиваться нормальными темпами, она, по крайней мере, была бы благополучнее и, возможно, там даже были бы государства.

Во-вторых, если вы посмотрите на список вмешательств государств в так называемые гуманитарные конфликты, то увидите, что в большинстве случаев они закончились неудачей или ещё большей нестабильностью. Афганистан – дважды на наших глазах, и есть ещё очень много других случаев. Значит, государства необязательно являются панацеей.

Тогда возникает вопрос, который вы поставили: может ли комбинация частных военных и негосударственных организаций заполнить вакуум? Мой ответ: абсолютно точно – нет. И это, вероятно, худший сценарий, потому что многие негосударственные организации, как и частные военные компании, были приватизированы государствами или корпорациями. Значит, они будут работать в интересах тех, кто им платит, без всякой ответственности. Поэтому я считаю эту комбинацию худшим вариантом.

Каким может быть решение? Решения нет. Пусть работает история. Не нужно вмешиваться. Вполне реально ограничить пагубные

последствия локального кризиса, не задействуя крупных акторов, которые могут вступить там в сговор. Некоторые проблемы неразрешимы. Если проблема неразрешима, как учёный и практик я бы сказал: не пытайтесь её решать, потому что вы обречены на провал. Так что я настроен относительно пессимистично.

Но есть, конечно, вероятность полного или частичного разрешения или же ограничения проблем, которые вы упомянули. Если территория расположена в Центральной Азии или в Синьцзяне, два или три крупных государства могут действовать совместно. Например, нанять частную армию, чтобы не заниматься тяжёлыми гуманитарными кризисами. Но сегодня и в будущем это могут сделать только государства.

И последняя ремарка. В целом задача, которую вы поставили и которую мы обсуждаем, это то, что я называю «реакционный романтизм». Люди возлагали большие надежды на большие идеи в 1960–1970-е гг., когда теорию глобализации продвигали Рэймонд Вернон, Джозеф Най, Роберт Гилпин, Роберт Кохейн. Сегодня мы видим, что они не сработали. Как вы знаете, я выступал за идею объединения транснациональных и негосударственных организаций. Это грустная шутка, но мы имеем дело с тем, что было придумано сорок лет назад. На другом уровне мы объединяем частные армии и опять же НПО. Я не знаю ни одной серьёзной НПО, которая была бы по-настоящему независима.

Фёдор Лукьянов: Если обратить взгляд ближе к нашим границам, посмотреть на будущее Евразии в краткосрочной или долгосрочной перспективе, то становится очевидно, что многим государствам, которые возникли в 1991 г. только по причине распада Советского Союза и были признаны суверенными независимыми государствами, членами ООН и так далее, сегодня предстоит очень серьёзный стресс-тест. Спустя двадцать лет они фактически должны доказать, являются ли устойчивыми государственными образованиями или, может быть, не совсем. В этой ситуации, в Евразии или другом регионе мира, если страны демонстрируют, что не способны к устойчивости, что делать?

Например, если одна из соседних стран столкнётся с подобными проблемами, я могу себе представить реакцию России десять или пятнадцать лет назад – отправиться туда, помочь, возможно, включить эту страну в общее пространство. Но сейчас менталитет меня-

ется, и оценка – нужно нам это или нет, стоит пытаться или нет – становится частью общих расчётов.

Сергей Караганов: Вы сами ответили на свой вопрос. Мы в России начинаем понимать, что бывшая империя была скорее бременем, чем активом. Мы движемся в направлении ухода из большинства этих регионов, тем более что там появляется всё больше разваливающихся государств – две трети или, по меньшей мере, половина бывших советских республик разваливаются. Так что же делать?

Мы показали это в Нагорном Карабахе. Направили батальон, пытались сдерживать конфликт, но сами не вмешивались. То же самое будет в Таджикистане, Киргизии, если эти страны станут платформой или трамплином для террористических или наднациональных сил. Ясно, что мы будем двигаться в этом направлении, хотя это противоречит мышлению большинства (уменьшающегося большинства) российской элиты. Пятнадцать лет назад такие мои слова вызвали бы скандал, сегодня их воспринимают с великодушным интересом.

Фёдор Лукьянов: На карте мира у меня есть любимое государство, которое называется Восточный Тимор. Оно возникло после экономического коллапса и революции в Индонезии в 1998 г., если я не ошибаюсь. Это был результат их борьбы за независимость. Лидеры этого движения за независимость даже получили Нобелевскую премию мира. С тех пор это абсолютно анархическая территория, живущая на пожертвования ООН, а единственная сила, которая может хоть немного стабилизировать ситуацию, – австралийская военная полиция. Но это суверенное государство, член ООН с правом голоса и так далее¹.

Андрей Владимирович, вы представляете либеральную точку зрения. Надеюсь, вы нарисуете нам более позитивные перспективы.

¹ Страна была колонизирована Португальской империей в XVI веке и была известна как Португальский Тимор до деколонизации. В конце 1975 г. Восточный Тимор провозгласил свою независимость, но в том же году был оккупирован Индонезией, а на следующий год захвачен в качестве 27-й индонезийской провинции. В 1999 г., после акта самоопределения, поддержанного Организацией Объединённых Наций, правительство Индонезии утратило контроль над территорией, и 20 мая 2002 г. Восточный Тимор стал первым новым суверенным государством в XXI веке. – *Прим. ред.*

Андрей Картунов: Во-первых, спасибо за это обсуждение. Думаю, это очень интересный опыт, хотя, конечно, может показаться несколько искусственным, потому что мир становится меньше, и всё сложнее найти место, где напрямую или опосредованно не задействованы интересы крупных держав. Где бы ни возникла проблема, она будет иметь последствия для внешнего мира, будь то окружающая среда, вынужденная миграция или международный терроризм. Поэтому действительно сложно представить себе ситуацию, где не задействованы интересы крупных держав.

Во-вторых, вы абсолютно правы, утверждая, что многие великие державы сегодня погружены во внутренние проблемы и если не переходят к изоляционизму, то по крайней мере пытаются ограничить внешнеполитические авантюры. И это справедливо как для США, так и для России, вероятно, даже для Китая и других стран. Но, полагаю, происходящее означает, что вакуум, который они оставили после себя в урегулировании конфликтных ситуаций, будет незаполненным на протяжении длительного времени.

Я не знаком так детально с ситуацией в Африке, но я много занимался Ближним Востоком и могу утверждать: вакуум, возникший после ухода великих держав, заполнили региональные игроки. Мы видим Турцию, открыто демонстрирующую свои региональные амбиции, которые, вероятно, даже выходят за пределы региона. Мы видим Иран, который продолжает своё региональное наступление в Йемене, Ираке, Сирии, Ливане и некоторых других арабских странах. Мы видим Объединённые Арабские Эмираты – небольшую страну, которая действует активно, а иногда даже очень активно далеко от своих границ, в том числе в Восточной Африке. Поэтому, полагаю, будет слишком большим допущением говорить, что все озабочены исключительно собственными проблемами. Государства среднего размера, особенно авторитарные режимы, пытаются по максимуму использовать возможности, которые им дали великие державы.

В-третьих, международный опыт свидетельствует о том, что чем меньше интересов великих держав вовлечено в конкретную конфликтную ситуацию, тем проще достичь соглашения и использовать многосторонние институты. В качестве иллюстрации сравните конфликтные ситуации в Сирии и Йемене. Думаю, очевидно, что будет невозможно или практически невозможно добиться урегулирования в Сирии, но в Йемене мы ближе к соглашению, потому что, если честно, никого, кроме саудовцев и иранцев, этот конфликт не беспокоит. Поэтому, полагаю, вполне можно ожидать новой ре-

золяции Совета Безопасности ООН по Йемену, если мы согласуем конкретные формулировки, поскольку, конечно, есть разногласия в оценке роли Ирана и отношении к саудовской интервенции. Но в целом США, Россия, Евросоюз придерживаются широкого консенсуса по поводу того, что происходит в Йемене и что нужно делать – именно потому, что в этой стране нет ресурсов, она не является частью крупных коммуникационных маршрутов и находится на маргинальном уровне нынешнего геополитического соперничества. Так что всё не так уныло, как вы могли подумать. Опять же, Южный Судан, который относительно легко превратился в независимое государство. Думаю, это следствие того, что Южный Судан не был важен для великих держав.

Вы говорите о частных военных компаниях, и это очень интересный феномен. Я больше знаком с международными НПО и не совсем согласен с тем, что сказал Сергей Александрович об их зависимости. Думаю, некоторые из них, по крайней мере, пытаются быть независимыми и автономными от тех, кто их финансирует. Это непросто, требуются компромиссы, но определённо они не являются послушными инструментами в руках корпораций, государств или международных организаций. Их отношения с донорами иногда бывают сложными и противоречивыми.

Но феномен частных военных компаний и в определённой степени международных НПО является отражением неудач ведущих международных организаций, многосторонних режимов и национальных государств. И тут я перехожу к вызову, который считаю одним из самых значимых сегодня. Это устарелость миротворческих операций ООН. Они явно недофинансируются. Инструмент архаичен по своей сути, и, что важнее, задачи по обеспечению безопасности отделяются от задач развития. Даже внутри ООН вы обнаружите множество институтов, сфокусированных на узко определённых мандатах, которые фактически не способны к горизонтальному сотрудничеству друг с другом. Поэтому, когда говорят об ООН, обычно ограничиваются обсуждением состава Совета Безопасности или права вето, которым обладают постоянные члены СБ, но, по моему мнению, есть много более важных проблем, чем состав Совбеза. Неспособность структур ООН связать повестку безопасности с повесткой развития, неспособность миротворческих подразделений ООН сделать что-то помимо базовых функций разделения воюющих сторон, когда конфликт уже заморожен, – это самая неприятная проблема, именно поэтому на поле вышли частные военные компании.

Решение, если вы выберете либеральный подход к структуре, заключается в глубокой реформе миротворчества ООН или миротворчества других институтов, которым ООН разрешит выполнять не только миротворческие задачи, но и функции установления и поддержания мира.

Позвольте несколько слов о России. Вы и Сергей Караганов упомянули разваливающиеся государства на постсоветском пространстве. Если вы посмотрите на официальную статистику Всемирного банка, то обнаружите, что только два государства на территории бывшего СССР имеют экономические показатели хуже, чем у России, после 1991 года. Это Украина и Грузия. Конечно, это особые случаи, но статистика позволяет предположить, что другие постсоветские государства развивались лучше, чем Россия, по крайней мере, экономически. Поэтому я несколько скептически отношусь к концепции, что эти государства разваливаются. У них есть проблемы, у некоторых очень серьёзные, но полагаю, было бы несправедливо по отношению к ним утверждать, что они находятся на грани коллапса. Я этого не вижу, и официальная статистика это не подтверждает.

Если Россия попытается позиционировать себя как глобальный провайдер безопасности, что может стать для неё идеальной функцией, помимо других, которые может выполнять наша страна, нужно мыслить не только в категориях частных военных компаний. Кстати, как вы все знаете, по закону Российской Федерации, их нет – нет регулирования в законодательстве. У нас есть только частные охранные предприятия, ЧОП, но нет ЧВК, частных военных компаний. Безусловно, россияне задействованы в этих операциях, но отмечу, что, к сожалению, наш вклад в международное миротворчество чисто символический, очень небольшой и он не растёт. Мы должны это изменить. И, действительно, я думаю, что Россия может играть более активную и, если хотите, более легитимную роль как провайдер безопасности в различных частях мира, где другие не готовы этого делать.

Нам нравится воевать. Наша история доказывает, что мы неплохо это делаем. У нас есть техника, есть оборонный сектор, есть возможности боевого развёртывания, которые важны, и у нас определённо есть конкурентные преимущества в сравнении с некоторыми другими глобальными державами – за редким исключением. Спасибо.

Фёдор Лукьянов: Да, это отличная ниша для России. Мы знаем, что сейчас в российском экспертном сообществе вновь идёт оживлённая дискуссия по поводу нашей миссии и национальной идеи, и, возможно, то, что мы любим воевать и можем использовать эти навыки везде, поддержат многие из присутствующих.

Анатолий, возвращаясь к понятию разваливающихся или развалившихся государств. Лет двадцать назад это была самая важная тема международных дискуссий – национальное строительство, разваливающиеся государства, опасность, от них исходящая. Теперь мы практически об этом не слышим. Что случилось? Что произошло с государственным строительством? Что произошло с разваливающимися государствами?

Анатолий Ливен: Случились Ирак, Афганистан и Ливия. Я имею в виду, что разваливающиеся государства не исчезли, но уверенность Запада в умении строить государства, особенно после того, как он сам их разрушил, колоссально снизилась. Если вы посмотрите результаты исследований общественного мнения в Америке и Европе, то увидите, что поддержка этих действий крайне мала. Вы упомянули Восточный Тимор. Австралийцам не удалось создать дееспособный Восточный Тимор, но, как вы сказали, они смогли обеспечить некий базовый порядок. То же относится к значительным частям Африки.

Я не предлагаю превратить их в современные демократические общества со свободным рынком или что-то в этом роде. С этим покончено. Но отчасти я готов согласиться с Сергеем Карагановым по поводу интервенционизма. Единственная проблема в случае с Африкой, как я уже говорил, заключается в том, что через несколько десятилетий там будет 3 млрд жителей. То, что мы сможем просто изолировать или ограничить проблему такого масштаба, кажется сомнительным, но можно обеспечить некий базовый порядок с помощью ограниченного военного контингента. И я думаю, Сирия – довольно интересный пример, потому что России на самом деле удалось сохранить государство, которое было близко к полному краху. Ей нужны были очень сильные союзники в Сирии и в регионе.

Как и Андрей Картунов, я не думаю, что большая часть бывшего Советского Союза находится на грани коллапса в сомалийском смысле слова. Но если России нужно ради её собственного благополучия обеспечить базовый порядок или сохранить функции государства, скажем, в Таджикистане или Киргизии, полагаю, у неё

есть для этого военные средства. Но только при условии, которое Россия, полагаю, вполне сможет принять: будут и другие участники – естественно, Китай, а также Узбекистан, Казахстан, которые поддержат подобную миссию именно потому, что её цель – обеспечить базовый порядок и не допустить, чтобы регион превратился в угрозу для всех соседей.

По поводу способности и готовности воевать – в Европе это касается Великобритании и в определённой степени Франции. Возможности Британии ограничены – это видно по Афганистану и Ираку, но, в отличие от Германии, скандинавских стран и итальянцев, у нас по крайней мере есть войска, которые способны воевать в случае необходимости. И да, думаю, что Россия обладает огромным потенциалом для этого.

Андрей Картунов: Если позволите вас прервать, вы слишком сдержанны в формулировках по поводу действий британцев в Афганистане в сравнении с американцами. Думаю, британцы действовали отлично.

Анатолий Ливен: Спасибо.

Андрей Картунов: Это просто констатация факта.

Фёдор Лукьянов: Сергей Александрович, ваш любимый аргумент, что умение воевать – это потенциал России, который мы можем использовать. Думаю, никто не станет этого отрицать. Но разве сейчас готовность и способность применить силу важна сама по себе или во многих ситуациях гораздо важнее обладать ими, но не использовать, вместо того чтобы вступить в непредсказуемость?

Сергей Караганов: Это дихотомия, которую Пушкин назвал «злато и булат». Конечно, булат до сих пор побеждает. Я думаю, мы уже сослужили миру хорошую службу, не позволив Западу навязывать свою волю силой. Мы начали этот процесс в 1950–1960-е гг. и закончили сейчас. При этом должен сказать, что мы можем и должны использовать силу в случае необходимости, но только в ограниченных типах сценариев. Есть случаи, когда мы должны и будем вмешиваться,

если дело касается вопросов особой важности для безопасности и благополучия нашей страны.

Но если мы отправимся в Африку, куда нас приглашает Анатолий, решения нет. Если вы вмешаетесь, вы проиграете. Если вы не вмешаетесь, они проиграют. Или все. И при обоих сценариях никто не выиграет. Поэтому, я думаю, мы должны воздержаться от вмешательства, особенно в этот переходный период, который продлится около десяти-пятнадцати лет с сегодняшнего дня. Если Китай победит в этом соперничестве, мы можем присоединиться к Китаю, а США охотнее пойдут на установление правил поведения. Если нет, хаос продолжится.

Анатолий Ливен: Боже упаси, я никогда не говорил о том, что есть решение. Лорд Солсбери, британский премьер-министр, как-то назвал ошибкой либерального мышления утверждение, что для любой проблемы в мире есть решение. Я, как и Сергей Караганов, не думаю, что существуют решения для большинства этих проблем. Но есть более или менее успешные примеры кризисного менеджмента в конкретных случаях. Я всегда говорил это об Афганистане. Проблемы Афганистана неразрешимы, но могут быть соглашения, сделки, ситуации, которые хотя бы помогут справляться с ними более успешно.

Моя теория заключается в том, что в будущем мы столкнёмся с ситуациями, которые (и вы совершенно правы, Сергей) не имеют решения, но требуют управления со стороны дисциплинированных государств. Я также полагаю, что в будущем идея поддержки базового порядка, которая была недооценена либеральной мыслью в современной истории, будет становиться всё более важной интеллектуальной темой в мире.

Сергей Караганов: Я согласен с Анатолем Ливеном, но в случае с Африкой ответственность должна нести Европа, а не Россия, США или даже Китай, который тоже воздержится, несмотря на растущую вовлечённость в дела региона. Что касается Центральной Азии, нам придётся действовать вместе с Китаем и, надеюсь, с Индией. Но если кто-то считает, что существует некое универсальное решение или рецепт, то я в этом сомневаюсь.

В дополнение к нашим предыдущим беседам, частные военные компании – так мы их называем, забывая о том, что есть наёмники и

большую часть истории государства воевали с их помощью, пока не перешли к призыву в армию, а потом к профессиональной армии. В этих частных компаниях нет ничего нового. Их можно использовать, но использовать открыто. Если вы не владеете такой компанией или она действует по чьим-то чужим законам, это означает тотальный беспорядок в дополнение к уже имеющемуся. Если частная компания тесно связана с великой державой или какой-то другой державой, то они несут ответственность. Если нет, то они станут ещё одним элементом нестабильности.

Андрей Картунов: Я согласен с Сергеем Александровичем в том, что, по сути, Африка выходит за пределы нашей сферы ответственности, у нас никогда не было там колоний, поэтому мы можем попытаться подтолкнуть наших европейских друзей к более активной позиции. Хотя не думаю, что они на этой пойдут, потому что у них просто нет таких возможностей. Но взгляните на Афганистан, к примеру. Страна имеет один из самых высоких уровней рождаемости в мире. Если нынешние прогнозы оправдаются, к концу столетия численность населения Афганистана превысит 100 млн. Приблизительно такую же численность к концу века прогнозируют и России. Кабул будет больше Москвы, к примеру. И если мы не наладим ситуацию в стране (под этим я понимаю создание возможностей для экономического и социального развития), если не сможем удержать афганцев там, где они сейчас живут, половина окажется здесь. Я имею в виду, это очевидно, особенно если мы увидим коллапсы в Центральной Азии, о чём уже говорилось в ходе этой дискуссии, 50 млн афганцев окажутся здесь, внутри Российской Федерации. Готовы ли мы принять этих людей? Вряд ли, а это значит, что даже если Россия, Китай и кто-то ещё, если мы все должны заплатить определённую цену за урегулирование в Афганистане, то это нужно сделать, потому что альтернативы нет, верно?

Сергей Караганов: Мой совет касается знаменитых слов профессора Преображенского: «Не читайте газет. Они врут». Я бы добавил: «Не читайте либеральных газет. Они несут полную чушь». Что случится за сто лет, никто не знает. Никто не знает, что случится и через двадцать лет. Но на ближайшие двадцать лет более или менее можно предсказать, что мы можем сделать. Так что мы просто должны выбраться из этого облака либеральной мысли, которое оказалось абсолютно неадекватным за последние несколько десятилетий.

Анатолий Ливен: Продолжу эту тему. Я только что закончил статью о государственном строительстве и пуштунах в современной истории Афганистана. Я солидарен с Сергеем Карагановым: одна из вещей, которую мы должны сделать, занимаясь такими странами, – это отбросить либеральную идеологию и современную идеологию в целом, потому что мне действительно кажется, что единственная сила в Афганистане, которая может восстановить некое подобие государства – это «Талибан». Это очень неприятно признавать, но, по моему убеждению, это именно так. Затем стоит подумать о том, как можно адаптировать некоторые наши предрассудки и убеждения, и поработать над тем, как мы сможем заключать соглашения и оказывать поддержку, чтобы защитить наши интересы. Я действительно считаю, что в Афганистане Запад и Россия могут говорить об общих жизненно важных интересах.

Ещё раз повторю, в будущем в Афганистане не будет пространства для либеральных гуманитарных принципов урегулирования, но попытаться ограничить опасности, исходящие из Афганистана, – в этом мы действительно заинтересованы. Как, кстати, Иран, Пакистан и Индия.

Фёдор Лукьянов: В случае гипотетического коллапса Афганистана (надеюсь, этого не произойдёт) толпы афганцев не будут штурмовать границу России и другие границы, потому что с точки зрения социальных благ Россия известна как не очень щедрая страна, а вот Европейский союз, несмотря на изменения последних лет, таковым по-прежнему является. Честно говоря, я не могу себе представить сотни тысяч афганцев, которые хотят перебраться в Россию. Так что это может прозвучать цинично, но я думаю, это не такая важная для нас проблема, как экстремизм и исламский фанатизм, это уж точно.

Анатолий Ливен: Это спорно. Вопрос в том, насколько плохи дела в Афганистане. Если, как вы говорите, люди столкнутся с угрозой полного коллапса и массового голода, они поедут. Но сначала им, конечно, нужно попасть в Центральную Азию. У России есть санитарные кордоны, но я не думаю, что Россия как часть Евразии сможет изолироваться от такой проблемы.

Фёдор Лукьянов: Мы видим, что наша провокация сработала, поэтому мы отошли от первоначальной идеи, но перешли в сферу

чрезвычайно важных вопросов. Не хотелось бы надолго задерживать наших гостей, но если у кого-то из участников есть вопросы, пожалуйста, воспользуйтесь уникальной возможностью задать их нашим гостям.

Ниведита Капур (младший научный сотрудник программы стратегических исследований, *Observer Research Foundation*, Нью-Дели, Индия):

Спасибо. У меня два взаимосвязанных вопроса. Мы говорили об Африке, там сформировалось несколько небольших региональных организаций. Должны ли мы перестать надеяться, что эти региональные организации сделают что-то на благо региона? И есть ли шансы, где эти организации действительно могут оказаться успешными?

И вопрос, связанный с Африкой. Мы много слышали о том, что Китай усиливает своё присутствие в Африке. Считаем ли мы, что действия Китая как великой державы будут похожи на действия других великих держав, например, США или России? Или они будут чем-то отличаться от действий, предпринятых в прошлом?

Анатолий Ливен: Думаю, некоторые организации (ЭКОВАС в Западной Африке) могут оказаться полезными. Любая попытка извне помочь в урегулировании ситуации должна идти в сотрудничестве с такими организациями, но им нужно оказывать ощутимую помощь. Если вы посмотрите на ЭКОВАС, то увидите, что Нигерия является ключевым игроком в некоторых её операциях – по восстановлению порядка в Либерии, например. Но она с трудом может контролировать боевиков на собственной территории – на севере страны, есть и множество других проблем. Поэтому я не думаю, что какая-то из этих организаций сможет справиться в одиночку.

Что касается Китая, то здесь, конечно, мы говорим о неокOLONIALИЗМЕ, а не колониализме. У китайцев абсолютно нет желания править в таких местах напрямую или распространять свою идеологическую модель. Они пришли, чтобы получить прибыль и влияние. Разница с Западом в настоящее время и другими регионами в прошлом заключается в том, что китайцы видят развитие и прибыль. Но развитие с точки зрения строительства инфраструктуры – это старая модель. Железные дороги, автотрассы, мосты производство элек-

троэнергии – это была американская модель 1950–1960-х гг., которая в некоторых местах сработала достаточно хорошо. Думаю, что Китай в этом плане в сравнительных категориях является сегодня позитивной силой, но явно не идеалистической. Он делает это не из благотворительности.

Фёдор Лукьянов: Спасибо нашим замечательным экспертам, которые присоединились к дискуссии, и отдельное спасибо всем тем, кто участвовал в проекте.

Разрешение кризисов: никто кроме государства?

Евгений Коренев

Е.С. Коренев – доцент кафедры международных отношений и внешней политики России в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского.

Прошло уже несколько десятилетий с того момента, как в теории международных отношений в рамках неолиберальной парадигмы появилась концепция, согласно которой негосударственные акторы могут играть значимую роль в мировой политике наравне с государствами. Государства в целом смирились с присутствием негосударственных акторов в международных отношениях, но по-прежнему воспринимают их не как равноправных игроков (поскольку те не обладают суверенитетом), а как инструменты, которые можно использовать в геополитической игре. В последние годы это всё чаще происходит в случаях гибридных конфликтов.

Проведённая в рамках проекта Совета по внешней и оборонной политике «Управление международным кризисом в условиях глобальной неопределённости» политическая игра продемонстрировала следующее. В условиях кризиса, несмотря на нехватку времени и большое количество переменных, которые нужно держать в уме при принятии решений, все стороны склоняются к тому, чтобы действовать рационально и преимущественно эгоистично, пытаясь в первую очередь защитить свои интересы и лишь затем выполнить другие задачи в ходе кризисного урегулирования. Альтруистичность действий и заявлений некоторых неправительственных организаций и других негосударственных игроков является просто ширмой, которая прикрывает реальные коммерческие и геополитические интересы конкретных ТНК и государств.

В ходе игры (все персонажи и названия в которой являются вымышленными) российская межведомственная экспертная группа неоднозначно восприняла опубликованный международной непра-

вительственной организацией *IRNI* план по спасению народа эсидов, находящегося на грани вымирания от засухи и ротавирусной эпидемии. С одной стороны, представители Российской Федерации, обеспокоенные осложнением обстановки вблизи своих границ, с удовлетворением отметили желание данной организации способствовать разрешению острого гуманитарного кризиса. С другой стороны, у них возникли подозрения по поводу истинных целей *IRNI*, учитывая специфику её деятельности и характер финансирования.

По сути, план *IRNI* можно было охарактеризовать как попытку амбициозной международной неправительственной организации нарушить основополагающие международно-правовые принципы, включая принцип невмешательства во внутренние дела государств. Можно констатировать, что предложения данной МНПО фактически подрывали суверенитет государства Калиман и создавали опасный прецедент подмены мандата ООН при разрешении кризисных ситуаций частными инициативами. Для России, которую многие эксперты рассматривают как образец государства вестфальского типа, было крайне важно не допустить размывания суверенитета соседнего государства, попавшего в сложную ситуацию. В связи с этим представители российской межведомственной экспертной группы чётко дали понять, что будут рассматривать гуманитарный кризис в Калимане как общенациональную катастрофу, произошедшую в этой стране, в отдельном её регионе, а не как трагедию конкретного народа и что Россия будет оказывать помощь всем пострадавшим по линии центральных властей вне зависимости от их национального происхождения, религии и так далее.

Эксперты из России выступили с критикой предложения *IRNI* о переселении эсидов на территорию сопредельных государств по ряду обстоятельств. **Во-первых**, изначально было непонятно, на какой срок будет осуществлено переселение данного народа и каковы критерии, определяющие возможность возвращения людей на родину. **Во-вторых**, учитывая культурные и религиозные особенности эсидов, стало очевидно, что адаптация переселенцев будет происходить крайне сложно. В связи с этим российские специалисты прогнозировали экспорт нестабильности из Калимана на территорию соседних государств. Он мог выразиться в формировании очагов этнополитического и религиозного терроризма в принимающих государствах. Причём радикальные группировки формировались бы, скорее всего, как из числа эсидских беженцев, так и из местных жителей, недовольных действиями «чужаков». Кроме того, такое,

по сути, насильственное переселение могло привести к ликвидации культурной самобытности и разобщению эсидов. В итоге народ мог бы просто перестать существовать как самостоятельная этническая единица. С точки зрения Калимана, такой подход к решению проблемы тоже нельзя назвать идеальным, поскольку переселение значительной части населения страны в другие государства подрывает его национальную безопасность, а точнее – её демографический компонент. Не выдерживает критики данное предложение и в контексте борьбы с распространением ротавирусных инфекций, поскольку для её успеха требуется перекрытие границ и изолирование заболевших групп населения.

Безусловно, нельзя не обратить внимание и на тот факт, что эсиды по условиям игры являются этносом, близким к курдам. По сути, это означает, что любые дальнейшие предложения *IRNI* о создании автономии для них могут натолкнуться на решительное противодействие ряда государств региона, в первую очередь Турции. Это обстоятельство могло бы даже привести к началу военной операции, целью которой стало бы недопущение формирования эсидских политических структур на территории соседних с Калиманом стран.

Чтобы исключить возникновение вышеописанных негативных последствий, представители России с самого начала игры предлагали осуществлять кризисное урегулирование в строгом соответствии с нормами международного права при главенствующей роли ООН. Для этой цели российская сторона предлагала принять резолюцию СБ ООН, закрепляющую порядок действий различных игроков на территории Калимана. В целом российской межведомственной группе удалось выполнить поставленные перед ней по условиям игры задачи и создать предпосылки для защиты национальных интересов страны. Россия смогла не упустить «эсидский дискурс» и всё время находилась в эпицентре дискуссий по данной проблеме. При этом РФ удалось воспользоваться своими козырями, которые были недоступны *IRNI* – оказание масштабной гуманитарной помощи, отправка санитарно-эпидемиологических бригад в зону чрезвычайной ситуации и, наконец, разработка резолюции в СБ ООН. Тем самым Россия продемонстрировала, что готова взять на себя определённую ответственность по разрешению кризиса в пределах, соответствующих её национальным интересам и интересам многонационального Калимана. При этом она не стремилась любой ценой закрепить своё долгосрочное присутствие на территории чужого государства, поскольку это не давало прямых выгод. Для неё было

важнее не допустить того, чтобы *IRNI* подготовила плацдарм для появления в Калимане иностранных военных баз или биологических лабораторий, и эта задача была выполнена.

Таким образом, по итогам игры можно сделать ряд выводов о трансформации связей различных акторов в ходе кризисного урегулирования. В современном мире взаимодействие государственных и международных институтов с негосударственными структурами, в том числе в ходе разрешения кризисов, происходит достаточно активно. Однако частные акторы по-прежнему воспринимаются государствами как неравноправные партнёры. И, по всей видимости, положение вещей принципиально не изменится в ближайшем будущем, хотя роль таких субъектов мировой политики будет возрастать. Они будут пытаться действовать самостоятельно, в отдельных случаях опираясь на поддержку государств, заинтересованных в разрешении конкретных вопросов, но желающих оставаться в тени.

При этом подобные структуры могут начинать свою деятельность на мировой арене с небольших проектов кризисного урегулирования, действуя внешне беспристрастно и альтруистично, создавая себе позитивный образ. После достижения этой цели они начнут вести себя более свободно, реализуя преимущественно те инициативы, которые могут принести им политические и экономические дивиденды.

Наибольшей активности таких акторов можно ожидать в зонах столкновения геополитических интересов различных стран: на постсоветском пространстве, на Балканах, на Ближнем Востоке и в Африке, там, где конфликты в ближайшее время будут приобретать гибридный характер, позволяющий подобным структурам проявить все свои сильные стороны. Однако государства, традиционно обладающие несоизмеримо большими ресурсами для кризисного урегулирования, будут задействовать их лишь в случаях, непосредственно затрагивающих национальные интересы. Подобный прагматизм поможет странам (во всяком случае – в ближайшие годы) справиться с попытками даже самых амбициозных негосударственных игроков приватизировать пространство мировой политики.

Эпоха неоклассицизма: Минск, далее везде

Александр Носович

А.А. Носович – шеф-редактор аналитического портала *RuBaltic.ru*, директор Балтийского исследовательского медиацентра (г. Калининград), автор книг «Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика», «История упадка. Почему у Прибалтики не получилось», «Почему Беларусь не Прибалтика», «33 наивных вопроса о Восточном партнёрстве».

Политическая игра – это не только наработка профессиональных навыков общения с коллегами, соотечественниками и иностранцами, но и метод политического анализа и прогнозирования. Мероприятия, которые в разные годы организовывал Совет по внешней и оборонной политике, подтверждают прогностическую функцию игр и возможности их эффективного использования для политического анализа.

Сценарий тренинг-игры 2021 г. «Управление международным кризисом в условиях глобальной неопределённости» в ближайшие годы вряд ли может быть воспроизведён на практике. Но заданная авторами игры ситуация – модельная, а продемонстрированные игроками схемы поведения типичны для реальной международной жизни. Схожие сценарии на практике используются регулярно и будут востребованы в будущем.

Если отвлечься от экзотического флёра и привязки вымышленного государства Калиман к региону Малой и Средней Азии, то в заданных условиях игры и в реакциях игроков можно увидеть аналогии с политическим кризисом 2020 г. в Белоруссии. И в вымышленном, и в реальном случаях инициатива исходила от идеалистически настроенных игроков, действовавших в парадигме политического романтизма. В обоих случаях эти игроки были либо частью либерального международного порядка, либо комплементарными ему.

В ситуации на территории вымышленного государства Калиман инициатором международной кампании выступила неправительственная организация, стилистически максимально соответству-

ющая основным маркерам западной либеральной аудитории (привлечение Илона Маска и Билла Гейтса, краудфандинг и прочее). В реальной ситуации статус-кво внутри Белоруссии и в её отношениях с Россией и Западом нарушило наиболее встроенное в глобальный мир городское население, у которого появились политические запросы. Примечательно, что наибольший отклик этот запрос получил у стран, во внешней политике которых глубоко укоренена романтическая традиция: у Польши и Литвы. Они стали добиваться международного вмешательства в белорусскую ситуацию и указывали, прежде всего, на гуманитарный аспект столкновения власти и оппозиционного общества.

В то же время наиболее крупные игроки как в реальной, так и в выдуманной ситуации с глубокой настороженностью отреагировали на идеалистическую инициативу и вырабатывали альтернативные предложения по разрешению регионального кризиса, исходя из собственных интересов и соображений национального эгоизма. Наиболее показательна в обоих случаях реакция России. Как «российская межведомственная группа» в случае Калимана, так и реальная российская власть в ситуации с Белоруссией исходили из недопустимости политической дестабилизации в приграничье России и создания угрозы её безопасности: санитарно-эпидемиологической, военной, миграционной и прочей.

Поэтому в обоих случаях тактика и стилистика действий были похожи. Прежде всего, установка на взаимодействие с правительством как единственным релевантным партнёром на фокусной территории. Пусть даже в случае Калимана правительство утратило реальную власть и не контролировало территорию страны, а в случае Белоруссии действующий президент Александр Лукашенко подошёл к внутриполитическому кризису с проблемами в российско-белорусских отношениях и выгода от его сохранения у власти для Москвы была, мягко говоря, неочевидна, – тем не менее операторы российской внешней политики сочли неприемлемым сотрудничество с нетрадиционными и непонятными для себя игроками: транснациональной НПО *IRNI* или штабами оппозиционных кандидатов в президенты Белоруссии. Их стиль публичной коммуникации вызвал у россиян отторжение и подозрения в симпатиях потенциальных контрагентов к геополитическим конкурентам России. На контрасте с их нестандартными инициативами (создание международного фонда с участием неправительственного сектора и частных лиц, круглый стол с представителями белорусской оппозиции) Россия

предлагала решения сугубо в духе *Realpolitik*, и ключевое из них – прямая военная поддержка соседнего государства.

Ещё более ценна аналогия с Белоруссией при разборе игровых действий европейских участников. Несмотря на их восприимчивость к аргументам *IRNI*, они тоже с большой осторожностью восприняли романтический порыв активистов оказать гуманитарную помощь эсидам, оценив свои приблизительные организационные и финансовые издержки от вовлечения в этот проект. Предложения делегировать решение проблемы международным организациям во главе с ООН выглядят попыткой снять с себя ответственность и минимизировать свои трудозатраты в разрешении кризиса.

В реальной ситуации белорусского кризиса подобные мотивы Евросоюза, его ведущих стран-членов (а также США) были ещё более очевидны. Продукт таких мотивов – телефонные переговоры западных лидеров о судьбе Минска с президентом России, а не Белоруссии, что, в общем-то, является грубым нарушением международных приличий. Показательна и фраза президента Франции, сказанная на пике кризиса, что ЕС не хочет для Белоруссии судьбы Украины. В этой фразе видна трансформация политического поведения европейцев, произошедшая за шесть лет после украинского кризиса, когда Евросоюз, наоборот, был максимально восприимчив к идеалистическим нарративам и шёл в фарватере «политики ценностей» демократических активистов на Майдане, политических НПО и стран «новой Европы».

За прошедшие годы под ударами извне и изнутри в европейском сообществе случился ренессанс политического реализма. В украинском кризисе страны Европейского союза, увлекаемые азартом «геополитической игры», приветствовали смену власти в Киеве и в меру возможностей пытались её ускорить, чтобы избавить Украину от «пророссийского» президента. В белорусском кризисе даже переговоры с Владимиром Путиным о будущем страны Восточного партнёрства оказались оправданны, чтобы избавить ЕС от ещё одного военного очага на внешних границах.

Понятно, что всякая аналогия неточна и уязвима для критики. В реальном кризисе вокруг Белоруссии не было Китая как ключевого заинтересованного игрока, тогда как по условиям тренинг-игры через государство Калиман проходил один из маршрутов «Пояса и пути». К сожалению, среди играющих не было команды, представляющей КНР. Это не позволило смоделировать ситуацию диалога

Москвы и Пекина по международному кризису, когда под угрозой оказываются их интересы в фокусном регионе. Учитывая позитивный опыт сопряжения интересов КНР и России в Центральной Азии, результаты могли быть очень интересны, особенно в части совместного российско-китайского реагирования на инициативы *IRNI*.

Тем не менее тренинг-игра Совета по внешней и оборонной политике ценна своим сходством с реальными международными кризисами последних лет. Аналогия с Белоруссией была подробно разобрана в силу приграничного положения республики по отношению к России и специализации автора, однако не меньше аналогий можно обнаружить с кризисом вокруг Сирии. Там тоже имели место гуманитарное бедствие архаизированных этнических групп (курды), активизм альтруистически настроенных общественников («Белые каски»), первоначальный либеральный энтузиазм с распределением беженцев, попытка избавиться от проблемы делегированием её на уровень ООН и решение России действовать классическими методами военной операции при политической поддержке Дамаска.

Если подняться с региональных уровней на глобальный, то и в поведении игроков во время глобального кризиса из-за пандемии коронавируса обнаруживаются те же черты. Самоустранение международных институтов, доходившее до их временного паралича (Европейский союз). Исключение из процесса борьбы с пандемией транснациональных корпораций, волонтерских НПО и любых других международных игроков, кроме государств. Классические методы выхода из кризиса, связанные с прямой государственной властью: закрытие границ, запреты, жёсткое административное давление, использование аппарата подавления.

Важно, что борьба с пандемией в каждом конкретном случае была тем более успешна, чем более осознанно, последовательно и твёрдо страна применяла избранные методы по купированию вируса. Провалы европейских стран и США в борьбе с пандемией во многом связаны с запоздалым и непоследовательным применением приёмов прямого административного регулирования из-за их несоответствия либеральной идеологии.

Такие же выводы можно сделать по региональным сюжетам. Ситуация в Сирии – характерный пример того, как удалось выйти из кризиса благодаря включению Россией классических методов ведения внешней политики, тогда как подходы в духе политического идеализма (выявление внутри конфликта «демократических сил»,

«работа с гражданским обществом», то есть с сирийской оппозицией) усугубляли кризис.

Эти тенденции, подтверждённые результатами тренинг-игры, позволяют говорить о переходе к новой эпохе в международных отношениях. Рискнем назвать её неоклассической. Теоретической основой этой новой эпохи становится политический реализм. Единственные подлинные участники международных отношений – государства. Надгосударственные организации вторичны и в некоторых кризисных ситуациях вовсе устраняются (в том числе самоустраняются) из международной жизни. Новые игроки, ранее считавшиеся разрушающими монополию государств на участие в международных отношениях: ТНК, НПО, аналитические центры всё более аффилированы с государствами и становятся инструментами внешней политики, расширяющими возможности государств.

Национальный интерес снова признаётся мерилom для внешнеполитического действия, а национальная безопасность – высшим из национальных интересов. В дихотомии «альтруизм/эгоизм» выигрывает последний, тогда как первый раз за разом становится источником не решений, а новых проблем. Альтруистическое поведение оказывается оправданно только тогда, когда оно выгодно игроку и основывается не на альтруизме как таковом, а на понимании собственных интересов. Так, при проведении тренинг-игры команды сошлись на необходимости гуманитарной миссии в Калимане не из абстрактных представлений о ценности жизни эсидов, а из страха расширения санитарно-эпидемиологического и миграционного кризиса до их границ.

Национальный эгоизм будет всё более утверждаться в качестве основного мотива международного поведения, потому что альтруистическая альтернатива – фактически банкрот. Эгоистическое поведение крупных и ответственных во внешней политике государств даёт больше надежды на удержание от хаотизации. Проблема в том, что на карте мира остаются кризисные регионы (*failed territories*), находящиеся вне зоны интересов серьёзных игроков, проблемы которых имеют тенденцию к расширению, а также вызовы, на которые невозможно ответить силами одного, даже наиболее обеспеченного ресурсами государства. В том числе глобальные вызовы вроде изменения климата, для ответа на которые недостаточно даже геополитических альянсов государств. И в этих ситуациях государствам придётся заново учиться международному общению и искусству сопрягать свои интересы.

Гуманизм на аутсорсинге

Иван Нохрин

И.М. Нохрин – доцент кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.

Когда в начале 1990-х гг. понятие «безопасности человека» (*human security*) стало активно проникать в дискурс международных организаций, политических институтов и экспертных кругов, казалось, что господству реализма эпохи холодной войны пришёл конец, наступает эра принципиально иных ценностей и приоритетов – таких, как достойный уровень жизни, социальная справедливость, права и благополучие для каждого человека. Но одних разговоров на эту тему, пусть даже и на уровне ООН, явно было недостаточно. Кто-то должен был взять на себя миссию освобождения человечества от страха и нужды, задействовав для этого собственные средства и возможности.

В числе первых энтузиастов, возложивших на себя «обязанность защищать» (*responsibility to protect*), выступили НАТО и бессменный лидер этой организации США, организовавшие «гуманитарные интервенции» в Боснии и Югославии в 1995 и 1999 годах. Вслед за этим концепт «обязанности защищать» был взят на вооружение Россией в ходе операции по «принуждению к миру» в Южной Осетии в 2008 г. и снова НАТО – для обоснования интервенции в Ливии в 2011 году. В общем, к концу 2000-х гг. идеи «безопасности человека» и «обязанности защищать» прочно вошли в концептуальный мейнстрим современных международных отношений.

Тем более неожиданным кажется сегодня то внезапное равнодушие, с которым международное сообщество (по крайней мере, многие его участники, прежде очень озабоченные гуманитарными вопросами) отнеслись к целому ряду недавних кризисов – например, к вооружённому конфликту в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. или военному перевороту в Мьянме зимой 2021 года, не говоря уже говоря о крайне тяжёлой ситуации, которая складывается в ряде стран

Азии и Африки в результате распространения пандемии *COVID-19*. Неспособность правительств обеспечить необходимый уровень медицинской помощи населению и начать массовую вакцинацию, кажется, не волнует никого, кроме чиновников ВОЗ. Глядя на триумф «вакцинного национализма», хочется задаться вопросом – неужели больше никто в мире не готов взять на себя почётную миссию по обеспечению «безопасности человека»?

Новые приоритеты, или Новое «бремя белых»

Понятие «безопасности человека» всегда оставалось чрезвычайно дискуссионным и не имело безоговорочной поддержки международного сообщества. Несмотря на его единодушное одобрение Генеральной ассамблеей ООН в ходе Всемирного саммита 2005 г. и Советом безопасности ООН в 2006 г., многие эксперты в области международных отношений (равно как и политики) подчёркивали, что идея слишком широка и неконкретна для того, чтобы использовать её в качестве аналитической категории или нормативной базы для принятия решений. Ведь в конце концов угрозой безопасности и благополучия индивида может быть названо всё что угодно, даже безработица или финансовый кризис. И не всякая кризисная ситуация может считаться основанием для гуманитарной интервенции.

Немало сомнений высказывалось и в адрес морально-этического содержания доктрины. Как предупреждали критически настроенные исследователи, сама идея «безопасности человека» даёт напрасные надежды и жертвам возможных гуманитарных кризисов, и международному сообществу вообще, в то время как мировая политика по-прежнему направляется эгоистичными интересами отдельных государств, правительств и политиков. Последние готовы прийти на помощь страдающим людям лишь тогда, когда видят в этом для себя конкретную пользу. По этой причине некоторые эксперты, особенно азиатского и африканского происхождения, называли «безопасность человека» идеологическим прикрытием неокOLONиализма и новым изданием хорошо известной историкам доктрины «бремени белого человека».

В то же время самые убеждённые реалисты не могут отрицать, что в условиях глобального мира каждый гуманитарный кризис способен стать угрозой интересам любого, даже географически отдалённого государства. Например, как показывает ситуация с сирийскими беженцами, наркотрафиком из Афганистана и торговлей

людьми в Северной Африке, два столпа «безопасности человека» – так называемые «свобода от страха» и «свобода от нужды» – напрямую коррелируют со столь понятными для реалистов государственными интересами европейских стран.

Однако, несмотря на критику, идея «безопасности человека» до сих пор имеет огромный потенциал. Прежде всего потому, что актуальным остаётся вопрос о ценностях и приоритетах современной цивилизации, поднятый ещё 27 лет назад в ежегодном отчёте ООН о развитии человечества 1994 г.¹ Перефразируя положения документа, его можно поставить следующим образом: не пора ли правительствам отвлечься от бесконечного соперничества друг с другом, войн и гонки вооружений и направить свои силы и средства на заботу о здоровье и благополучии людей, защиту окружающей среды, борьбу с голодом и нехваткой воды, то есть попытаться создать лучшую версию современного мира. И покуда политические деятели и исследователи спорят о способах и средствах достижения этой цели (как и о том, насколько она вообще осуществима), массовый запрос на смену приоритетов и новую парадигму мировой политики всё более очевиден. Свидетельством тому стали «климатические забастовки» 2019 г. и открытое выступление движения *Black Lives Matter* в поддержку Палестины в 2021 году. Судя по всему, ни тех, ни других уже не устраивает перспектива ждать, пока беспокоящие их проблемы войдут в круг интересов мировых держав или пока не будут решены в результате рутинных процедур существующих международных институтов. Они готовы взять борьбу за «безопасность человека» в свои руки, не нуждаясь в официальном одобрении.

Гуманитарная интервенция 2.0

Хотя очевидная ангажированность организаторов гуманитарных интервенций 1990–2000-х гг. повсеместно подвергалась критике, что отчасти дискредитировало само понятие «обязанность защищать», интерес мировой общественности к гуманитарной проблематике возвращается. Это происходит на новом уровне, переосмыслиется через призму идей расового и гендерного равенства и эмансипации прежде дискриминированных групп. Благодаря тому, что энтузиазм западных политических элит относительно вмешательства в дела далёких стран угасает, становятся менее употребительными аллюзии к колониальному и постколониальному дискурсу, что снижает

¹ Human development report 1994. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Programme, 1994. 226 p.

идеологическую токсичность гуманитарных кампаний. Поэтому, кажется, лишь дело времени, когда освободившуюся нишу по защите «безопасности человека» займут негосударственные структуры. Отчасти процесс уже идёт, если обратить внимание на деятельность многочисленных благотворительных фондов в Африке. И вполне возможно, что мир скоро станет свидетелем гуманитарных интервенций нового типа, когда неправительственные организации будут вовлечены в международные гуманитарные кризисы в качестве ведущих акторов, не имея на то официальных полномочий или хотя бы даже одобрения ведущих держав.

В такой ситуации традиционным государственным и международным институтам остаётся, по меньшей мере, два базовых сценария поведения, которые можно условно назвать консервативным и прагматическим.

Консервативный сценарий

С одной стороны, государственные и международные институты могут сохранить верность традиционному/реалистскому взгляду на международные отношения как на отношения между государствами и представляющими их легитимными правительствами. А значит – попытаться воспрепятствовать полноценному участию неправительственных организаций в разрешении гуманитарных кризисов. Конечно, они в состоянии лишить НПО доступа к финансовым инструментам, закрыть границы для перемещения их членов, да и просто запретить их деятельность под предлогом угрозы государственным интересам. Но неизбежно возникнет вопрос, как далеко готовы пойти правительства, чтобы использовать весь имеющийся в их распоряжении инструментарий.

Например, если некая гипотетическая негосударственная структура развернёт кампанию по широкомасштабной вакцинации населения в одной из азиатских или африканских стран, станет ли правительство этой страны сопротивляться такого рода «гуманитарной интервенции»? Будут ли политики других стран, в том числе ведущих мировых держав, предпринимать что-либо против подобной акции? А самое главное, будут ли они готовы взять на себя бремя гуманитарной помощи и предложить альтернативный подход?

В случае реализации консервативного сценария положение дел в сфере защиты «безопасности человека» может пойти по пути рынка криптовалют: пока политики и чиновники институтов разного

уровня обсуждают степень легитимности новых акторов, пытаются разработать меры их контроля или даже препятствовать их деятельности, миллионы людей вовлечутся в гуманитарные кризисы и интервенции нового типа. Причём эффективность ограничительных мер вряд ли будет высокой, в результате чего официальные лица, по крайней мере, отдельных государств де-факто признают за неправительственными организациями свободу действий явочным порядком. Такая практика, помимо всего прочего, станет очередным свидетельством кризисного состояния современных международных норм и институтов.

Прагматический сценарий

Прагматический сценарий, напротив, предусматривает инкорпорирование неправительственных организаций в существующую институционально-правовую структуру международных отношений посредством организации совместных действий или даже использования НПО как основного инструмента разрешения гуманитарных кризисов. Реализацию этого сценария упрощает очевидная близость целей и идейных установок, объединяющих международные институты – ООН, ЮНЕСКО, Всемирную организацию здравоохранения, Всемирный фонд дикой природы и многочисленные НПО. Главным же препятствием, как и прежде, остаётся нежелание политиков делиться даже частью полномочий с теми, кого они считают самозванцами в сфере международных отношений. Для многих официальных лиц ситуация традиционно представляется игрой с нулевой суммой: всякое укрепление НПО видится им наступлением на суверенные привилегии государственных институтов и акторов.

Однако возможен и совсем иной взгляд. Демонстрируя неспособность справиться с важнейшими глобальными проблемами современности, начиная с изменения климата и заканчивая массовой вакцинацией населения Земли от *COVID-19*, правительства и международные институты лишней раз подтверждают правоту тех, кто говорит о кризисе современного миропорядка. Парадоксальности ситуации добавляет тот факт, что разговоры о многочисленных глобальных проблемах ведутся давно, но без каких-либо ощутимых результатов. К примеру, Киотский протокол, предусматривавший сокращение выбросов парниковых газов, был принят почти четверть века назад, в 1997 г., но с тех пор выбросы в атмосферу по всему миру лишь увеличивались и продолжают расти. С этой точки зрения, национальные правительства и международные институты оказы-

ваются уязвимы перед обвинениями их в лицемерии и преднамеренном бездействии, а их нежелание содействовать деятельности неправительственных организаций и благотворительных фондов воспринимается как ещё одно тому доказательство.

В этих условиях было бы логично ожидать не взаимного игнорирования, а сотрудничества правительственных структур и международных институтов и неправительственных организаций. В этом симбиозе первые могут предоставить необходимые ресурсы и легитимность (как это было, например, в ходе кампании по борьбе с полиомиелитом), в то время как вторые обладают ценным опытом и организационной структурой для проведения гуманитарных операций «на земле». По факту это стало бы не чем иным, как передачей обязанности защищать «безопасность человека» на аутсорсинг более компетентным и заинтересованным исполнителям. Безусловно, такая кооперация потребует изменений в нормативной и институциональной базе современных международных отношений. Но её нынешнее состояние и без того сложно назвать удовлетворительным, так что любое действие будет лучше бездействия.

Уроки вакцинной дипломатии

*Государственно-частная политика
в условиях глобальной неопределённости*

Александр Коньков

А.Е. Коньков – кандидат политических наук, директор Международного аналитического центра “*Rethinking Russia*”, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Уже больше года информационная повестка продолжает нанизываться на ежедневную хронику цифровых рядов коронавирусной статистики: число заболевших, число выздоровевших, число умерших. Эти цифры применительно к странам, отдельным регионам и городам стали важным индикатором не только собственно медицинской динамики, но и административной и политической устойчивости, способности к мобилизации и коллективному действию, солидарности и доверию внутри разных социумов, управлению в условиях глобальной неопределённости.

По этим показателям (пусть косвенно, но с понятной верифицируемостью) можно судить и об эффективности общественно-политических систем, и о результативности государственных и надгосударственных институтов, и – в конечном счёте – о новых факторах силы и влияния в меняющемся мире.

В годы активной глобализации и всеобщего консьюмеризма выработалась модель, при которой степень общего влияния глобальных игроков на мировые процессы в значительной мере коррелировала с их экономическими возможностями, способностью провоцировать и поддерживать спрос на производимые товары и услуги, их масштабирование в мировой торговле и международном разделении труда. Богатые страны богатели, производя то, что нужно странам бедным, а бедные всячески стремились наращивать потребление продукции богатых стран.

В условиях пандемии подобная модель обретает новое состояние: страны по-прежнему разделяются на тех, кто производит, и тех,

кто потребляет, но уже через призму нового товара, спрос на который имеет очень длительные перспективы, – вакцины от *COVID-19*. В сжатые сроки на мировой арене формируется принципиально новый рынок, закрепление на котором может сулить производителям и продавцам ключевые позиции для долгосрочного влияния как на сам ход вакцинации и освобождение планеты от значимого риска, так и на процесс формирования будущего мироустройства, основанного на способности защитить человечество от угроз его биологической природе.

Вакцинная дипломатия – режим чрезвычайно-вынужденный, но вполне закономерный и укладывающийся в диалектику противоречивых тенденций непростого для мира начала третьего десятилетия века. Изначально, когда распространение *COVID-19* приобрело лавинный характер и пришло понимание, что деваться некуда (он подлинно глобален и равно актуален для всех), были слышны возгласы, что мир никогда не будет прежним: наконец-то, есть что-то, что объединит всех и заставит забыть о сиюминутных конфликтах и обидах. Таким образом, в самом начале пандемии наряду с явным ощущением новой общей угрозы были сильны ожидания подлинного глобального единения – снижения конфликтности, роста сотрудничества и синергии коллективных усилий. Но чем глубже человечество погружалось в самоизоляцию и ограничительные меры, тем более проявлялись устоявшиеся и хорошо известные свойства международных отношений реалистской парадигмы – государствоцентризм, своекорыстие и ориентация на собственные интересы.

Евросоюз как образцовый интеграционный механизм, по сути, затрещал по швам и рассредоточился по национальным «квартирам» отдельных государств-членов, а дистанцирование стало нормой не только внутри стран, но и снаружи – международное авиасообщение и любые зарубежные поездки фактически сошли на нет. Государство как институт вновь стало главной надеждой и для рядового человека, и для любого уже привыкшего претендовать на «акторство» субъекта.

Однако и государства, вновь взявшие на себя ответственность за безопасность граждан (как и в эпоху заключения общественного договора), не стали останавливаться лишь на вопросах здравоохранения, обострившихся в новых условиях. На фоне отвлечения и рассредоточения глобального внимания они не преминули использовать момент для укрепления своих позиций по всем направлениям. Одни ввели ещё больше санкций, другие интенсифицировали

войны, третьи взялись принимать жёсткие меры против недовольных. Всё это уже через несколько месяцев привело к пониманию, что реального преодоления разногласий не предвидится. Хотя мир и остаётся прежним, он становится сложнее, и любые новые проблемы порождают лишь желающих половить рыбку в мутной воде.

Решения в кризисы vs кризисы решений

Для мировой политики как саморегулирующейся динамической системы коронакризис усугубил известную дилемму эффективности решения, принимаемого суверенным актором: какое лучше – быстрое, но небесспорное или то, с которым все, наконец, согласились, но запоздалое и уже никому не нужное. Стоит ли изнурять себя разъяснениями, что надо так, а не иначе, упуская драгоценное в условиях кризиса время, или всё же полезнее стукнуть кулаком по столу и попытаться решить проблему в зародыше? В общем-то, это развитие известной дилеммы демократии – выбора между нормативной конвенциональностью процесса принятия решений и его смысловой результативностью. В частном секторе такой вызов разрешается относительно легко, но цинично: выживают сильнейшие, не стесняющиеся быстрых и жёстких мер, остальные уходят (с рынка). В государстве сложнее – в силу и бюрократических, и социальных, а в последнее время – и ценностно-этических ограничений.

Однако возникают «гибридизирующие» обстоятельства – проникновение рыночных начал в публичное пространство отношений, формализация корпоративных практик, расширение государственно-частных моделей (*GR*, госкорпорации, ЧВК, ГОНГО и прочие). И качественные характеристики «продуктовой линейки» общественного договора стали последовательно девальвироваться: усредняться, сглаживаться, растворяться под воздействием всё новых участников процесса с собственными интересами, взглядами и «культурами отмены». В итоге подлинно качественные, инновационные, общественно полезные решения, уместно и своевременно принимаемые, становятся всё более дефицитными, штучными, фактически эксклюзивными феноменами. Они представляют собой творческий плод, выращенный в среде весьма опошленного и маркетизированного за последнее время «искусства возможного».

С другой стороны, сохранение способности адекватно оценивать всё более неопределённую среду и принимать оптимальные и оперативные решения в условиях перманентно сменяющихся друг

друга кризисов становится значимым критерием конкурентоспособности. И лиц, принимающих решения, и соответствующих систем – суверенных, корпоративных, сетевых. Любые разновидности систем (равно как и их несистемные антиподы) конкурируют в новых условиях на равных. Поэтому если отдельные государства оказываются излишне увлечены деталями процесса и его процедурной чистотой, найдутся те, кто окажется более «клиентоориентирован» с точки зрения обеспечения скорейшего результата.

Вопрос восприятия услуг от негосударственных игроков в привычно государственных сферах – если пока и вне нормы, то уж точно не вне пользовательского меню. Оно совершенствуется и диверсифицируется вместе с растущими экосистемами всевозможных сервисных поставщиков, а также с проникающими на их поляну антрепренёрами от власти – популистами и визионерами-провокаторами, любой ценой скупающими «новую нефть».

Корреляция между скоростью разработки и производства вакцины и способностью задавать посткоронавирусную повестку проявляется пока не в полной мере. Но ключевые показатели (заболеваемость, процент выздоровлений, смертность) формируют прототип метаданных, способных служить базой для оценки качества политических решений в условиях неопределённости. Наслоение новых кризисов предопределяет аккумуляцию такого рода базы, её сущностную и индикативную вариативность, что позволит индуцировать акторство с позиций не только силы, но и адаптивной ловкости, умения вырабатывать коллективный иммунитет – во всех смыслах этого слова. Неопределённость уравнивает всех, а значит, и шанс проявить себя появляется у каждого – вне зависимости от места, отведённого в глобальной иерархии.

Стратегия для России

В новом десятилетии страна вправе рассчитывать на принципиально новый подход к собственной миссии, в основе которого – реалистичное формулирование того, в каком окружении мы на самом деле находимся и что (и даже кто) нам угрожает. Но важнее даже не это, а, как сегодня принято говорить, «позитивная» повестка: чего Россия хочет от этого мира и какие ставит цели и задачи, в чём её национальные интересы.

В контексте мультиплицирующихся кризисов и примирения со своего рода презумпцией неопределённости – горизонт ответ-

ственного прогнозирования предельно сжимается – подход к национальным интересам, очевидно, нуждается в более актуальной артикуляции. Формулирование их исключительно через перечисление традиционных угроз и воспроизводство не менее традиционного подхода к их преодолению посредством укрепления, повышения и сохранения разнообразных (порой весьма милых отечественному уху) институтов, норм и принципов утрачивает смысловую составляющую не только для склонного к шапкозакидательству обывателя, но и для всё более заточенного на результат актора. Вместе с тем полезными были бы более уверенные и недвусмысленные определения перспективных векторов государственной активности в отношении и уже устоявшихся вызовов, и тех, которые только будут возникать, – не столько как реагировать на них, сколько – как их воспринимать, интерпретировать, кастомизировать.

Ближайший горизонт стратегического планирования складывается в условиях формирующейся (пост)ковидной реальности, контуры которой ещё неочевидны. И главный вопрос скорее даже не в самом коронакризисе и механизмах преодоления его последствий – по этому поводу, в общем, основные ориентиры уже оформлены на разных уровнях, – ключевой проблемой является выработка отношения и национальных подходов (не путать с проектами) к другим «чёрным лебедям» подобной породы: без авторства, без акторства, без каких-либо атрибуций, но со своей «повесткой», силой и влиянием, способностью из ниоткуда создавать разного рода нечто. Актуальное сегодня «приручение», активная «социализация» искусственного интеллекта – сродни этой задаче, когда в виртуальной, существующей вне физического осязания и контроля среде генерируется вполне реальное общественное благо.

Если государство научится не только следовать незыблемым алгоритмам, но и задавать новые применительно к вновь возникающим явлениям, субъектам и практикам, это поможет укрепить суверенитет. А также добавить конкурентоспособности наиболее социально ответственным из негосударственных игроков. Их соперничество между собой – следующая стадия после оспаривания «державного» монополизма.

Умение государственных акторов договариваться с активистами – не просто мейнстрим современной внутренней политики, это апробация не менее актуальных компетенций для политики внешней. Там предотвратить кризисы уже не получится, а вот шанс возглавить их разрешение пока сохраняется.

Россия – земля обетованная для климатических беженцев?

Артём Лукин

А.Л. Лукин – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института Дальневосточного федерального университета.

2038 год. В расположенном в Евразии, к югу от России, государстве Калиман происходит гуманитарная катастрофа. Пять лет жесточайшей засухи, усугубленные ротавирусной эпидемией, поставили на грань выживания эсидов – небольшой, численностью около полутора миллионов, но древний народ, живущий на территории провинции Эден и пользующийся фактической автономией в рамках Калимана.

Калиман – одно из беднейших государств мира, которое к тому же в последние годы находится в состоянии острого политического кризиса из-за борьбы за власть между кланами. Правительство Калимана не может и не хочет спасти эсидов. Международное сообщество в лице ООН и других официальных международных организаций тоже демонстрирует бессилие. Инициативу по спасению эсидов берёт на себя международная неправительственная организация *International Relief Network Initiative (IRNI)*. Она финансируется рядом западных и азиатских государств, а также миллиардерами-визионерами, в числе которых Илон Маск, Билл Гейтс, Джек Ма и другие филантропы.

Эксперты *IRNI* приходят к выводу, что из-за последствий глобального изменения климата территория, где тысячелетиями живут эсиды, стала непригодной для существования. Необходимо их переселение в новые места проживания. *IRNI* достигает соглашений с Российской Федерацией о предоставлении эсидам территории для переселения. Эсидов планируется компактно разместить в одном из регионов российского Дальнего Востока. В соответствии с оперативно принятым Госдумой и Советом Федерации законом создан специальный округ со статусом федеральной территории. Пересе-

лившиеся туда эсиды наделяются правами самоуправления и национально-культурной автономии. *IRNI* взяла на себя обязательство профинансировать все расходы, связанные с переселением и обустройством эсидов на новом месте в России. Чтобы стимулировать их покинуть родную землю, каждой эсидской семье в качестве бонуса выплачивается 10 тысяч долларов на человека. Не внакладе остаётся и Россия: в обмен на согласие принять беженцев из Калимана она получает от *IRNI* грант в 15 миллиардов долларов.

Всё вышеизложенное – один из сценариев, который обсуждался участниками симуляционной игры, организованной Советом по внешней и оборонной политике в Москве в конце апреля в рамках проекта «Управление международным кризисом в условиях глобальной неопределённости». В игре принимали участие российские и зарубежные эксперты. Выступая в роли представителей государств и влиятельных международных организаций, они должны были найти пути спасения вымышленного народа. Предложенная одним из участников игры идея переселения эсидов в Россию поначалу вызвала недоумение у остальных экспертов, однако в ходе дальнейшего обсуждения такой вариант получил поддержку ряда участников игровой симуляции.

Между игрой и реальностью – большая разница. Переселение в Россию миллионов иностранцев, бегущих от последствий глобального потепления, выглядит сегодня экзотичным и маловероятным сценарием. Однако никогда не говори никогда. Два фундаментальных обстоятельства делают вышеописанный сценарий с переселением эсидов на российский Дальний Восток по крайней мере теоретически возможным.

Великое климатическое переселение народов?

Первое обстоятельство – это ускоряющийся процесс глобального изменения климата. До 183 миллионов человек могут столкнуться с угрозой голода в результате неблагоприятных изменений климата и вызванных ими неурожаев и нехваткой продовольствия¹. Повышение уровня Мирового океана вследствие таяния льдов приведёт к исчезновению целых государств, например, Мальдив или Тувалу, а

¹ Mbow C. et al. Food security // Climate Change and Land: an IPCC special report on climate change, desertification, land degradation, sustainable land management, food security, and greenhouse gas fluxes in terrestrial ecosystems / P.R. Shukla et al. IPCC, 2019. P. P. 437-550. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2019/11/08_Chapter-5.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

наступление моря лишит прибрежные сообщества мест обитания². Прогнозируется, что только в одном Бангладеш к 2050 г. почти миллион человек будут вынуждены мигрировать из-за подъёма уровня моря³. Если реализуются наиболее неблагоприятные расчётные модели климатических изменений, почти треть человечества окажется в экстремально жарких и непригодных для проживания районах, климат которых будет схож с нынешней Сахарой⁴.

В международно-политическом лексиконе всё чаще применяется термин «климатические беженцы»⁵. Как считают некоторые исследователи, вызванная климатическими изменениями массовая миграция – это неизбежность, которая ждёт человечество в предстоящие десятилетия и к которой надо готовиться уже сейчас⁶. Согласно заключению Межправительственной группы экспертов по изменению климата, решение проблемы вызванных климатическими изменениями миграций становится одной из важнейших миссий современного человечества⁷.

Глобальное потепление: благо для России?

Второе обстоятельство, говорящее в пользу приведённого выше сценария, заключается в том, что Россия – самое крупное по территории государство мира, занимающее 11 процентов планетарной суши. Сегодня 65 процентов российской территории покрыты вечной мерзлотой⁸. Большая часть страны отличается крайне суровым

² Park S. Climate change and the risk of statelessness: the situation of low-lying island states. UNHCR, Division of International Protection, 2011. 24 p. URL: <http://www.unhcr.org/4df9cb0c9.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

³ Oppenheimer M. et al. Sea Level Rise and Implications for Low-Lying Islands, Coasts and Communities // IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate / H.-O. Pörtner et al. IPCC, 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/3/2019/11/08_SROCC_Ch04_FINAL.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

⁴ Balsari S., Dresser C., Leaning J. Climate Change, Migration, and Civil Strife // Current Environmental Health Reports. 2020. No. 7. P. 404-414. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40572-020-00291-4> (дата обращения: 21.06.2021).

⁵ Эксперты ООН признали право «климатических беженцев» на убежище // Новости ООН. Организация Объединённых Наций. 21.01.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1370971> (дата обращения: 21.06.2021).

⁶ Balsari S., Dresser C., Leaning J. Указ. соч.

⁷ Field C. B. et al. (ed.). Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation: Special Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press, 2012. 582 p.

⁸ Мальгин А. Одна девятая // LiveJournal. 20.02.2017. URL: <https://avmalgin.livejournal.com/6816014.html> (дата обращения: 21.06.2021).

климатом и потому малопригодна для жизни людей. В то же время практически все расчётные прогнозы говорят о том, что благодаря глобальному потеплению климатические условия в России должны в целом улучшиться⁹. По оценкам Росгидромета, скорость потепления в России превосходит среднюю по земному шару и составляет 0,51°C за десятилетие¹⁰. Потепление уже заметно изменило климатические условия жизнедеятельности в России. В 1961–1990 гг. неблагоприятные территории занимали 63 процента площади страны, а в 2001–2010 гг. сократились до 50 процентов¹¹.

В западной прессе сегодня можно встретить публикации, которые описывают грандиозные перспективы, открывающиеся перед Россией в связи с глобальным потеплением¹². Вероятнее всего, реальность окажется более неоднозначной, так как глобальное потепление принесёт России не только гораздо более мягкие зимы и увеличение вегетативного периода, но и массу проблем – от повышенного риска разрушения сооружений, стоящих на тающей вечной мерзлоте, до учащения экстремальных погодных явлений (волны жары, засухи, наводнения, ураганы и тому подобное). Впрочем, у России в силу огромности территории есть ещё одно очень важное преимущество: в пределах её границ выделяется восемнадцать климатических поясов и областей¹³. Глобальное потепление будет воздействовать на них неодинаково. Такая дифференциация даёт России дополнительный запас прочности: даже если в каких-то частях страны последствия глобального потепления окажутся неблагоприятны, негативные последствия могут быть компенсированы благодаря районам, где климат, наоборот, улучшается.

⁹ Parfenova E., Tchebakova N., Soja A. Assessing Landscape Potential for Human Sustainability and 'Attractiveness' across Asian Russia in a Warmer 21st Century // Environmental Research Letters. 2019. Vol. 14. No. 6. P. 065004. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/ab10a8#fnref-erlab10a8bib65> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁰ Лежнева Л. «Обеспеченность золотом при текущем уровне добычи — порядка 40 лет» // Известия. 2.06.2021. URL: <https://iz.ru/1171973/liubov-lezhneva/obespechennost-zolotom-pri-tekushchem-urovne-dobychi-poriadka-40-let> (дата обращения: 21.06.2021).

¹¹ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / ред. А.Н. Золотокрылин, В.В. Виноградова, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с. URL: <http://igras.ru/2133> (дата обращения: 21.06.2021).

¹² How Russia Wins the Climate Crisis // The New York Times. 16.12.2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/12/16/magazine/russia-climate-migration-crisis.html> (дата обращения: 21.06.2021).

¹³ Лежнева Л. Указ. соч.

Россия будет не единственным климатическим бенефициаром глобального потепления (от него также выиграют другие северные страны, прежде всего Канада и Скандинавия), но из-за размеров своих северных территорий именно Россия окажется самым крупным выгодоприобретателем. Особенно разительные изменения прогнозируются для азиатской части страны, большинство территорий которой сегодня неблагоприятны или даже крайне неблагоприятны для проживания людей в силу чрезвычайно холодного климата. К 2080-м гг. климат азиатской России станет значительно более тёплым и мягким. Это приведёт к пяти-, семикратному повышению способности этих территорий поддерживать жизнь людей¹⁴. Иными словами, более благоприятный климат позволит гораздо большему количеству людей жить на землях к востоку от Урала, которые сегодня в основном безлюдны.

Согласно результатам недавнего долгосрочного прогноза учёных Принстонского университета, благодаря глобальному потеплению к 2200 г. экономическая продуктивность северных регионов России может повыситься в два раза (такой же благоприятный эффект распространится на северную Канаду, Аляску и Гренландию). В то же время в Африке, Бразилии, Индии, Австралии и на Ближнем Востоке продуктивность может снизиться на 60 процентов по сравнению со сценарием, который не предполагает повышения глобальной температуры¹⁵. В этом же исследовании отмечается, что лучший путь адаптации к глобальному потеплению – миграция людей из районов, страдающих от изменения климата, в районы, которые оказались задеты в меньшей степени или же выиграли от климатических изменений.

Жизненное пространство – «новая нефть»?

Декарбонизация мировой экономики создаёт экзистенциальный вызов для России. Углеводороды составляют основу российского экспорта и обеспечивают треть доходов бюджета. Высшие российские чиновники, уже в открытую признают, что глобальный спрос на нефть может никогда не восстановиться до докризисных величин¹⁶.

¹⁴ Parfenova E., Tchebakova N., Soja A. Указ. соч.

¹⁵ Alvarez J. L. C., Rossi-Hansberg E. The economic geography of global warming // National Bureau of Economic Research. February, 2021. №. w28466. URL: <https://www.nber.org/papers/w28466> [дата обращения: 21.06.2021].

¹⁶ Силуанов допустил невозможность восстановления спроса на нефть в мире // Ведомости. 03.06.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/06/03/872645-siluanov-dopustil-nevozmozhnost-vosstanovleniya-sprosa-na-neft> [дата обращения: 21.06.2021].

В долгосрочной перспективе растёт риск того, что доходы от продажи Россией углеводородов окажутся ниже ранее ожидаемых¹⁷. Между тем до сих пор нет убедительного ответа на вопрос: как Россия будет зарабатывать деньги после того, как закончится углеродная эра? Предполагается, что российская экономика станет экспортировать больше несырьевой продукции. Однако вряд ли кто-то всерьёз верит в то, что экспорт промышленных изделий и услуг сможет компенсировать потери от углеводородных доходов. С высокой долей вероятности можно утверждать, что на обозримом горизонте место России в мировом разделении труда будет по-прежнему определяться её природными ресурсами. Нефть и газ перестанут быть главными кормильцами страны. Но, возможно, место углеводородов займёт наиболее фундаментальный природный ресурс – земля. Коль скоро Россия обладает самой обширной в мире территорией, качественные характеристики которой улучшаются благодаря глобальному потеплению, было бы логично максимально монетизировать этот ресурс. Одним из путей монетизации земельных богатств России станет – и уже становится – развитие экспортно ориентированного сельского хозяйства.

Ещё одним, хотя и неортодоксальным способом, может стать предоставление территории России для расселения климатических беженцев. Размещение климатических переселенцев возможно как в малолюдных сибирских и дальневосточных регионах, так и во многих районах европейской части России, особенно там, где уже в течение длительного времени идут процессы депопуляции. Например, население Смоленской области сегодня составляет 921 тысячу человек, тогда как ещё столетие назад там проживало более 2 миллионов¹⁸. Похожая картина характерна для большинства областей Центральной России. Очевидно, что приток климатических мигрантов поможет решить проблему сокращения населения страны и вдохнёт новую жизнь в районы, которые сегодня не могут нормально развиваться из-за малого количества населения или обезлюживания.

¹⁷ Пятин А. Замглавы Минфина допустил прохождение пика потребления нефти // Forbes. 5.12.2020. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/415563-zamglavy-minfina-dopustil-prohozhdenie-pika-potrebleniya-nefti> (дата обращения: 21.06.2021).

¹⁸ Население Смоленской области // Википедия. 14.09.2020. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A1%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 21.06.2021).

В отдельных случаях не исключается создание для климатических мигрантов специальных автономных районов, которые, например, могут иметь статус федеральных территорий. Очевидно, что эта опция будет применяться для размещения сообществ, которые, подобно вымышленным эсидам, хотят сохранить свою этническую и культурную идентичность.

Ключевым вопросом станет финансирование «климатических эвакуаций» на территорию России. Учитывая, что подавляющее большинство таких беженцев будет прибывать из бедных стран Южной Азии и Африки, сами они вряд ли смогут оплатить переезд в Россию. Необходимым условием является участие в качестве доноров стран Запада и, возможно, Китая. Предоставляемые ими деньги пойдут как на финансирование переселения беженцев и создания необходимой инфраструктуры в местах их размещения, так и на выплаты в адрес России за согласие их принять. Попутно заметим, что согласие России предоставить свою территорию для миллионов климатических беженцев может способствовать более прочным отношениям между Москвой и Западом.

Массовый приток иностранцев и создание на территории России этнических анклавов неизбежно повлечёт за собой многочисленные риски. Однако рисками можно управлять. В России накоплен многовековой опыт функционирования полиэтнического и поликультурного государства. Государственное устройство современной Российской Федерации, как и предшествовавших ей Советского Союза и Российской Империи, предусматривает наличие специальных образований для этнических сообществ. Более того, именно в Советском Союзе был создан первый в мире прецедент учреждения территориальной автономии специально для переселения туда этнической группы. Речь идёт об образованной в 1934 г. Еврейской автономной области, которая существует и поныне.

Россия – не единственная страна в мире, которая располагает свободными территориями для размещения климатических мигрантов. О принятии таких беженцев задумываются и в Канаде, второй по площади стране мира, которая, как и Россия, должна выиграть от глобального потепления¹⁹. Однако далеко не все в Канаде, а также в других странах Запада, будут готовы открыть границы для приёма миллионов беженцев. Нет сомнений, что и в России найдутся противники подобного шага. Но тяготеющая к автократии российская

¹⁹ How Russia Wins the Climate Crisis // The New York Times. 16.12.2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/12/16/magazine/russia-climate-migration-crisis.html> [дата обращения: 21.06.2021].

политическая модель имеет в данном случае преимущество. В странах либеральной демократии принятие столь серьёзных решений требует длительных и трудных политико-юридических процедур. В России же, если власти придут к выводу, что игра с климатическими мигрантами стоит свеч, всё остальное будет уже делом техники.

У российского государства есть ещё одна особенность, которая позволит сократить риски, связанные с приёмом на постоянное место жительства значительного количества мигрантов. Это традиционно мощный и brutальный охранительно-репрессивный аппарат. Силовики имеют богатый опыт в выкорчёвывании проявлений экстремизма, сепаратизма и других угроз государственной безопасности среди климатических мигрантов, которые могут обосноваться на территории России.

«Мадлен Олбрайт» была права?

Бывшему государственному секретарю США Мадлен Олбрайт приписывают высказывание о том, что единоличное обладание Россией Сибирью несправедливо, а природные сибирские богатства следует поставить на международный контроль. На самом деле Олбрайт ничего подобного никогда не говорила. Но, кто бы ни придумал эту фразу, в контексте глобального изменения климата она приобретает новый смысл. В грядущие десятилетия и, возможно, столетия территория Сибири и России в целом станет одним из важнейших ресурсов, необходимых для выживания человечества, – выживания в буквальном смысле, так как миллионы людей будут нуждаться в новом жизненном пространстве, поскольку их собственное станет непригодным для существования. Соответственно, представления о том, что русским «слишком жирно» единолично пользоваться такой огромной свободной территорией, станут распространяться.

Это поставит Россию перед выбором. Мы можем сделать вид, что происходящие к югу от наших границ климатические катастрофы нас не касаются и закрыться от беженцев в своей крепости. Благо Россия обладает ядерным оружием, мощной армией и надёжными пограничными войсками. Мы можем начать монетизировать свою территорию, наш главный природный ресурс. Наконец, есть и третий путь: признать, что необъятные российские пространства – это, действительно, достояние всего человечества и строить политику, исходя из наличия у нас такого важного козыря, который одновременно является и обязательством. Но размышлять о предстоящем выборе надо уже сейчас, иначе решения придётся принимать в авральном режиме и под давлением неблагоприятных обстоятельств.

«Умная сила» естественного интеллекта

Наталья Помозова

Н.Б. Помозова – кандидат социологических наук, доцент кафедры современного Востока РГГУ.

В начале 2020 г., когда из Китая стали приходить тревожные вести о быстром распространении коронавируса нового типа, наверное, мало кто мог представить себе масштаб эпидемиологической катастрофы, с которой очень скоро столкнулся весь мир. В экстремальных условиях развернулась не только борьба с эпидемией за человеческие жизни, но и война информационная, соперничество систем государственного управления. Могло показаться, что *COVID-19* что-то резко изменит – например, повернёт процессы глобализации вспять или существенно их ограничит, заставит страны сплотиться в борьбе с общей угрозой, усмирить национальный эгоизм и отказаться, скажем, от политики санкций... Но эти иллюзии быстро развеялись, и стало понятно, что пришедшая напасть никак не повлияет на уже сложившиеся тенденции международных отношений, а явится лишь катализатором текущих процессов.

Расхожим стало мнение о том, что нетривиальный вызов застал правительства по всему миру врасплох. Оппоненты возражали, что невозможно быть готовым ко всему вплоть до пришествия инопланетян. Однако задача ведь не в том, чтобы находиться в постоянной готовности предотвратить любую угрозу – нужен потенциал для выработки максимально оперативных решений. А нестандартные ситуации требуют неординарных подходов и новых идей. Идеи же не появляются сами по себе, им предшествуют годы обучения и работы. Важно иметь не подробные планы действий на случай любой катастрофы (это попросту невозможно), а подготовленных специалистов – как узкопрофильных, так и кросс-дисциплинарных (в том числе в области международной политики), способных реагировать на кризис гибко и эффективно.

Один из уроков, который России необходимо усвоить по итогам ситуации, спровоцированной *COVID-19*, – необходимость пересмотреть государственные приоритеты и сделать одним из главных сохранение и преумножение человеческого капитала. Речь, прежде всего, идёт о прочности системы здравоохранения и о качественном образовании. На эти две статьи, согласно оценкам Александра Дынкина, президента ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, тратится лишь в два раза больше средств, чем на оборонные расходы¹. При этом опыт экономически более успешных стран демонстрирует другое соотношение. Так, Франция тратит на здравоохранение и образование в семь раз больше, чем на военную сферу, а Япония – в пятнадцать раз.

Прогнозы рисков выходят регулярно, но точностью не отличаются. Оценки экспертов Всемирного экономического форума в январе 2020 г. были главным образом сосредоточены на изменении климата, а угроза пандемии в тот момент, когда мир уже стоял на её пороге, лишь замыкала десятку вызовов мировому сообществу². Действительно, всякому государству, как и любому человеку, трудно быть готовым ко всему. Но опыт *COVID-19* должен научить мыслить шире, выходить за рамки шаблонных алгоритмов действий в привычных обстоятельствах, в том числе в области внешней политики. Это не означает призыва нивелировать или игнорировать существующие международные нормы и институты – подобный метод обострит и без того присущий многим игрокам национальный эгоизм и практически гарантированно приведёт к хаосу. Помимо научных учреждений, которые должны обеспечивать прочный фундамент исследовательской базы для выработки прогнозов и оценки внешнеполитических рисков, требуется предлагать принципиально новые подходы к механизмам решения проблем. Идеи, в настоящий момент кажущиеся нереалистичными или даже абсурдными, а потому недостойными обсуждения, в условиях ускоряющейся динамики глобальных процессов через какое-то время вполне могут лечь в основу кризисного реагирования. Но сгенерировать их способно только общество, для которого познание и обучение являются ценностями.

¹ «Трудное настоящее заставляет обращать взгляды назад» // Коммерсант – Спецпроекты. 30 лет без СССР. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4729686> [дата обращения: 25.06.2021].

² The Global Risks Report 2020 // World Economic Forum. 15.07.2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> [дата обращения: 25.06.2021].

К сожалению, социологические опросы в России демонстрируют неутешительную тенденцию: процент тех, кто связывает наличие высшего образования с достижением успеха, неумолимо падает – с 76 процентов в 2008 г. до 57 процентов в 2020 году³. При этом 73 процента респондентов дают негативную оценку качеству дистанционного образования в вузах. Если онлайн-формат сохранится и после окончательной отмены эпидемиологических ограничений, это напрямую скажется на популярности высшего образования. Очевидно, что дистанционное обучение постепенно будет внедряться, возможно, сначала в комбинированном виде. А значит, нужно не только следить за уровнем его качества, оснащением учреждений необходимым оборудованием, но и уделять внимание популяризации различных форм образования, в том числе разъяснению преимуществ новых онлайн-форматов. Например, у большего количества людей появляется возможность слушать лекции и общаться с лучшими специалистами по всему миру, не выходя из дома. Пандемия *COVID-19* ускорила внедрение компьютерных технологий в образовательные процессы. То, к чему мы могли бы прийти более плавно и естественно, обрушилось как вынужденная необходимость, и неудивительно, что российское общество оказалось к этому не готово. Конечно, ещё одной, возможно, более сложной и комплексной задачей является создание мотивации для того, чтобы люди работали в России, а не стремились применять свои навыки за границей.

Активное внедрение технологических разработок, проникновение в нашу жизнь искусственного интеллекта повлечёт за собой целый ряд социальных вызовов. Среди них – невостребованность на рынке труда многих профессий, социально-психологическая адаптация, новые виды конкуренции и так далее. На этом фоне возникнут и другие проблемы, связанные в том числе с субъектностью работника, этическим выбором, свободой воли. Неизбежно они начнут обостряться по мере всё более заметного присутствия искусственного интеллекта в нашей жизни. Очевидно, что их решение будет лежать в плоскости нестандартных подходов, которые сегодня могут показаться фантастическими. Но, как справедливо замечает Генри Лайон Олди (коллективный псевдоним двух писателей-фантастов), мы уже живём в мире недавней фантасти-

³ Выпускники-2020 хотят стать врачами и медсестрами // ВЦИОМ Новости. 16.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vypuskniki-2020-khotyat-stat-vrachami-i-medsestrami> (дата обращения: 25.06.2021).

ки⁴. И чтобы наращивать темпы развития страны, занять достойное место на международной арене, нужно уже теперь выходить за рамки привычных алгоритмов реагирования, учиться думать нешаблонно, а для воспитания такого мышления не стоит пренебрегать общественными и гуманитарными науками. Их развитие долгое время сталкивалось в России со значительными сложностями, и последствия этого мы ощущаем до сих пор. Ведь над любой техникой и её продуктом, тем, что она производит, пока стоит автор, человек, и только он может дать ответы на ещё не заданные вопросы.

Именно такие нестандартные решения будут приобретать всё большую актуальность и в области международных отношений, которые характеризуются почти ничем не ограниченными рисками в условиях дефицита ресурсов. Опираясь на внутреннее развитие страны, мы не можем и не должны закрываться от внешнего мира. Но, чтобы понимать своих партнёров, быть способным на конструктивный диалог, нужно не только располагать качественной экспертизой, но и находить общие темы для обсуждения, предлагать новые идеи. И поэтому расширение интеллектуального потенциала – задача, неизменно актуальная для России как ответственного игрока и одного из полюсов «умной» силы в глобальном нестабильном мире.

⁴ Генри Лайон Олди. «Мы уже живём в мире недавней фантастики» // Россия в глобальной политике. 12.04.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-mire-nedavnej-fantastiki/> [дата обращения: 25.06.2021].

«Брокеры знаний»: что нужно Евразии

Мирас Жиенбаев

Мирас Жиенбаев – стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Вопреки оптимистичным прогнозам, звучавшим в первой половине 2020 г., пандемия продолжает шагать по Земле. Возможно, кризис, вызванный ей, самое опасное явление, с которым когда-либо сталкивалось глобальное сообщество. Истинная его опасность не до конца известна нам и по сей день, как и точное число сфер человеческой деятельности, поражённых или затронутых им. И если с более «плоскими» (особенно – экономическими) кризисами человечество научилось как-то справляться, то коронакризис, полностью оправдывая своё несколько пафосное название, возможно, станет непобедимым врагом для всей архитектуры управления в самых разных областях жизни.

Пандемия сделала максимально очевидным фундаментальный порок современной системы – фактическую неспособность традиционных акторов, будь то международные, наднациональные либо институты власти отдельных государств, эффективно решать многомерные задачи в условиях существующего принципа «сдержек и противовесов», когда ни один традиционный актор не в состоянии обладать полномерной властью и ограничен другими акторами.

Традиционные акторы в эпоху глобальных шоков

Международные институты всегда ограничены своим мандатом, но даже в тех областях, на которые их мандат всё же распространяется, эффективность реагирования на кризисы часто стремится к нулю. Это происходит, когда данная область затронута «вторично», является лишь одним из многих факторов многомерного и часто многоуровневого кризиса.

Малоэффективны и наднациональные институты региональных интеграционных объединений. Так, например, мы наблюдали прак-

тическую беспомощность многих из них, потому что им не хватало ни опыта, ни полномочий для полноценного решения комплексных задач. Вместо этого наднациональные институты редуцировались до практики оперативно-тактического реагирования, которое представляет собой скорее косметические меры без претензии на разрешение реальной проблемы.

Данная тенденция очевидна и для различных национальных институтов, когда частый перехлёст полномочий или недостаточность властных ресурсов в системе сдержек и противовесов приводили к рассинхронизации и неспособности решать фундаментальные вопросы. Этот изъян характерен и для западных демократий, и для транзитных и авторитарных режимов во всём мире, хотя именно на евразийском пространстве наблюдается самый яркий спектр примеров в самых разных областях жизни, когда традиционные акторы, как и система в целом, оказываются неспособны к реальному решению проблем. Если недееспособность институтов различных уровней становится перманентной, значительный общественный запрос на фундаментальные изменения является оправданной реакцией, стимулируя рост вовлечённости нетрадиционных акторов в попытки решения системных проблем.

Так или иначе, мир уже вступил в эпоху, когда различные нетрадиционные акторы, будь то транснациональные технологические гиганты, бизнес, неправительственные или частные организации, стремятся стать более значимыми участниками международных дел. Это возможно в том числе благодаря наличию серых зон регулирования деятельности этих акторов самими государствами, что часто позволяет новым игрокам формировать и транслировать собственную повестку, воздействовать на общественное мнение, навязывать эту повестку традиционным институтам.

И пусть ситуация не нова для целого ряда сфер, будь то экология, культура, наука, искусство или образование, укрепление позиций неправительственных организаций в критически важных политических вопросах, вопросах безопасности и мира вызывает разумное опасение. Но действительно ли способны нетрадиционные акторы встать на один уровень с традиционными в ситуации реального кризиса? И насколько это реально для Евразии во всём её многообразии?

Нетрадиционные акторы в цифровую эпоху

Пандемия поставила под удар современные представления о глобальном управлении. В разгар экономического кризиса и опасений по по-

воду количества и длительности волн *COVID-19* мало кто задумывается о необходимости переосмысления подходов к решению глобальных проблем. Однако это необходимо сделать – и чем раньше, тем лучше.

Система принятия политических решений привязана к ограничениям современной международной системы. Неудивительно, что, несмотря на глобальную пандемию, мир не стал более глобальным. Наоборот, в системе международных отношений произошёл эгоистичный процесс «локализации», когда каждый из акторов ставил свои интересы выше других. Тем не менее преждевременно говорить об этом, как о тенденции к возврату мира без международных организаций. Мы живём в цифровом XXI веке, и он сильно отличается от прежних эпох. Глобализация и взаимозависимость продолжают расти вне зависимости от желания государств. Нынешняя пандемия – следствие и проявление глобализационных процессов и мобильности населения, значит – она первая, но далеко не последняя.

Помимо пандемии, необходимо рассматривать более широкий контекст международных отношений, куда входят:

- перспектива биполярности из-за растущей политической, идеологической и экономической конкуренции Китая и США;
- поляризация отношений в рамках «Большой пятёрки» и борьба за контроль над Советом Безопасности;
- активизация течений популизма и национализма не только в авторитарных, но и в демократических странах.

Коронакризис заставил обратить внимание на процессы, которые шли уже длительное время, – постепенный упадок существующего международного порядка. Вспоминается высказывание Антонио Грамши, которое точно характеризует нынешнее состояние международной политики: «Кризис состоит именно в том, что старое умирает, а новое не может родиться; в это междуцарствие проявляется множество болезненных симптомов»¹.

Нынешняя (послевоенная) система международных отношений основывалась на прогрессивных либеральных ценностях, но, вопреки прогнозам некоторых экспертов, существование однополярного мира после окончания холодной войны продлилось недолго.

¹ Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks / Ed. by Q. Hoare, G. Nowell-Smith. New York: International Publishers, 1972. 572 p.

Можно спорить, является ли это следствием абсолютного или относительного уменьшения политического и экономического влияния США, ЕС и Запада в целом, ведь вполне возможно, что дело в другом. Межправительственные институты демонстрируют низкую эффективность в предотвращении и решении глобальных проблем и кризисов, что отбрасывает тень как на ключевые страны в их системе, так и на идеологию, лежащую в их основе.

Многосторонние организации – символ той эпохи, когда согласованное сотрудничество между несколькими государствами могло решить многие проблемы, требующие коллективных действий. Однако *COVID-19* представляет собой угрозу такого масштаба, которая не решается действиями одного государства или даже группы государств. Действительно, пандемия дала некоторое представление о том, что означает поистине глобальный кризис, который влияет не только на политическое и экономическое измерение, а на всё – от путешествий и до возможности выйти из дома в магазины или на работу. Стало ясно, что структура ООН, решающая транснациональные проблемы только с согласия самых могущественных суверенных государств, не является эффективной.

Эпоха *COVID-19* также породила новые формы ассоциаций и движений за социальную справедливость и подчеркнула необходимость нового типа гражданской политики, которая будет действовать трансгранично.

Важнейшими характеристиками будущей международной системы станут скорость принятия решений и взаимозависимость. На примере технологических инноваций легко отследить, как разница в знаниях рождает неравенство, угрозы безопасности и отражается на благоденствии наций. Понимание того, как информационные технологии влияют на неравенство и незащищенность, будет иметь решающее значение для понимания геополитики. То, как мы исследуем, сотрудничаем, мобилизуем и организуем, будет определяться технологиями в цифровую эпоху, метко названную «четвёртой промышленной революцией».

Когда речь заходит о негосударственных субъектах, чаще всего упоминаются неправительственные организации либо негосударственные субъекты в военных конфликтах (террористические и повстанческие организации и так далее). При этом другие субъекты, способные оказывать влияние на формы и процессы решения кризисных аспектов международных отношений (например, аналитиче-

ские центры, брокеры знаний, эпистемологические сообщества, государственно-частные партнёрства и экспертные сети), чаще всего остаются за рамками обсуждения.

Подобные интеллектуальные субъекты имеют большую гибкость, менее ограничены статус-кво или текущей правительственной политикой, что позволяет им действовать быстрее. По сравнению с большинством межправительственных организаций их бюджет не зависит от внешних акторов, более того, нет необходимости искать поддержки у общественного мнения. Несомненно, подобные субъекты не имеют степени влияния, сравнимой с некоторыми из существующих неправительственных организаций в гуманитарной (Международный комитет Красного Креста) и банковской сферах (*SWIFT*) или в спорте (ФИФА), но достаточно хорошо показывают себя в борьбе с кризисными явлениями пандемии.

Пример, как отмечает Фрэнсис Фукуяма, – глобальное сотрудничество учёных и врачей по вопросам борьбы с коронавирусом: «Пока национальные лидеры ищут виноватых, учёные и представители общественного здравоохранения во всём мире расширяют свои сети и связи»².

Нетрадиционные акторы в парадигме «власть – знания»

Власть и знания связаны между собой³. Между ними существует «взаимная легитимация», которая сопровождается «всё возрастающей степенью оправданности политических решений со ссылкой на конкретную совокупность знаний».

Государственный суверенитет останется основной категорией мировой политики. Более того, рассматривая существующие тенденции укрепления позиций популизма и национализма, можно предположить, что роль национальных государств лишь возрастёт. Однако при этом следует учитывать постоянный рост количества и качества неправительственных субъектов. Как утверждают Кеннет Эббот с коллегами, «межправительственные организации больше не являются доминирующей или самой быстрорастущей институциональной формой глобального управления» – на смену им приходят схемы взаимодействия государств и брокеров знаний.

² Fukuyama F. The Pandemic and Political Order: It Takes a State // Foreign Affairs. 2020. Vol. 99. No. 4. P. 31.

³ Weiler H.N. Whose knowledge matters? Development and the politics of knowledge // Entwicklung als Beruf: Festschrift für Peter Molt / T. Hanf, H.N. Weiler H. N., H. Dickow. Baden-Baden: Nomos, 2009. P. 485–496.

Существующие субъекты международных отношений вынуждены действовать в условиях перенасыщения информацией, поэтому объективной необходимостью становится использование внешнего опыта – обращение к исследовательским учреждениям, брокерам знаний и аналитическим центрам.

В случае с Евразией институт брокерства знаний, то есть «людей, чья работа заключается в распространении знаний и создании связей между исследователями и их аудиторией»⁴, необходимо совершенствовать. Брокеры способствуют передаче знаний между политиками или академическими исследователями и практиками, и они должны находиться достаточно близко к политикам, чтобы понимать их требования в режиме реального времени, но достаточно далеко от политических процессов, чтобы сохранять аналитическую легитимность и независимость. Проблемой для аппарата принятия решений стран Евразии может служить то, что брокеры обязаны сообщать не то, что хочет услышать политик, а то, что ему необходимо услышать.

Помимо получения знаний посредством внутренних исследований, брокеры знаний несут ответственность за передачу последних из интеллектуальных центров в правительства. Это часто требует выявления и кураторства исследовательских продуктов, которые могут быть полезны, и трансляцию того, что брокеры считают необходимыми знаниями для лиц, определяющих политику, для эффективного решения конкретных проблем.

Аналитические центры несут этическую ответственность за то, чтобы быть особенно внимательными к политике и иерархии знаний, а также к своему положению в этой иерархии. Необходимо непрерывно подвергать сомнению исследовательский процесс, ведь в этом контексте интеллектуальные центры работают на грани науки и политики. Таким образом, «они частично связаны с двумя мирами, которые соединяют между собой»⁵.

О важности знаний для принятия политических решений говорит цитата из отчёта о национальной безопасности США⁶: «Парализующий вопрос для сегодняшних политических лидеров заклю-

⁴ Meyer M. The Rise of the Knowledge Broker // Science Communication. 2010. Vol. 32. No. 1. P. 118–127.

⁵ Там же.

⁶ Mesquita de E.B., Collins L., Decaires K.G., Shapiro J.S. (2020) The Pitfalls and Possibilities of the Measurement Revolution: Commentary // Texas National Security Review. 16.01.2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/01/the-pitfalls-and-possibilities-of-the-measurement-revolution-for-national-security/> [дата обращения 8.06.2021].

чается в том, как определить, какие утверждения, основанные на данных, заслуживают доверия, а какие нет».

На сегодняшний день большая часть инициатив и предложений, формирующих повестки дня большинства агентств Организации Объединённых Наций, исходит от университетов, специализированных исследовательских институтов и научных обществ в Северной Америке и Западной Европе⁷. Этот показатель говорит также о том, что внедрение политических решений соответствует этому показателю и происходит в одностороннем порядке.

В рамках новых объединений, таких как БРИКС, развивающиеся государства предпринимают попытку реализовать свои инициативы и видение того, какими должны быть механизмы межнационального взаимодействия. Однако, как показывает практика в борьбе по установлению глобальных норм, западные организации значительно опережают своих конкурентов и далеко не в последнюю очередь за счёт более лёгкого доступа к аналитическим данным⁸.

Пока негосударственные интеллектуальные группы в Евразии регулируются схемой «спрос – предложение». Для распространения информации необходимо наличие готовых потребителей. Наиболее эффективно это происходит, когда правительства ищут альтернативные подходы. Однако для того чтобы конкурировать с интеллектуальным обеспечением, которое получают другие государства, необходимо переосмыслить подход к сотрудничеству между государственными и негосударственными субъектами.

⁷ Gordenker L., Jonsson C. Evolution in Knowledge and Norms // The Oxford Handbook on the United Nations / T.G. Weiss, S. Daws (ed.). Oxford University Press, 2018. P. 104–115.

⁸ Helleiner E., Finnemore M., Jurkovich M., Sikkink K., Acharya A.K. Principles from the Periphery: The Neglected Southern Sources of Global Norms // Global Governance. 2014. Vol. 20. No. 3. P. 359–481.